

Великая иллюзия

Автор:

Татьяна Степанова

Великая иллюзия

Татьяна Юрьевна Степанова

По следам громких дел
Расследования Екатерины Петровской и К°

Женщина-факир Мегалания Коралли могла загипнотизировать целый зал зрителей, заставить львов напасть на дрессировщика, и еще много всего... Недаром к ней тайком ездили жены членов политбюро. Но главным желанием Великой Мегалании было найти преемника, которому она должна была передать сокровенные знания. Поэтому-то она и собирала вокруг себя талантливых детей-воспитанников, чтобы суметь разглядеть дар, подобный ее собственному. И каждый из них пытался доказать и ей, Великой, и себе, что он и есть тот самый – уникальный... Даже спустя много лет, уже во взрослой жизни, это соперничество не прекращалось.

В подмосковном дачном поселке найдена убитой успешная деловая женщина Регина Гришина. То, как было совершено и обставлено преступление, сразу навело на мысли криминального обозревателя Екатерину Петровскую и полковника Гектора Борщова, что дело это весьма загадочное и совсем не простое. А таинственные и зловещие предметы, найденные в доме жертвы, лишь подтверждали догадки...

Татьяна Степанова

Великая иллюзия

© Степанова Т. Ю., 2022

Глава 1. Четвертые

Берлин, 1927 год

– Вы вся дрожите, милая Мари. Позвольте предложить вам бокал шампанского.

Аделаида отвернулась от окна, за которым сияла огнями Потсдамская площадь, подошла к сервировочному столику и налила шампанского в бокал. Она все еще не сменила цирковой наряд – длинное, в пол, платье, расшитое блестками, и серебряная тиара с белым пером страуса. С ее полных плеч свисало боа, подобное сверкающей змее.

Когда Мария Кораллова пила шампанское, ее зубы стучали о край хрустального бокала. Она до сих пор находилась в шоке от того, что случилось в знаменитом берлинском цирке Пауля Буша всего час назад на ее глазах.

В страхе она выбежала из цирка в октябрьскую берлинскую ночь – без пальто, без шляпки, без мужа – тот остался в цирке. Возможно, он даже и не попытался ее разыскать в тот момент, когда публика вскочила с мест и ринулась к выходам, насмерть перепуганная начавшимся кровавым кошмаром на манеже за прутьями крепкой решетки. Хотя нет, все произошло не так уж быстро – паника, бегство... Какое-то время они все – и зрители, и цирковые за кулисами – пребывали в ступоре, в полном оцепенении, не в силах оторвать глаз от арены.

Возле служебного циркового входа остановился мотор. За рулем была сама Аделаида, она молча открыла дверь, и Мария покорно забралась в роскошный «Роллс-Ройс». Аделаида привезла ее в гранд-отель «Эспланада» на Потсдамской площади. Она снимала в бельэтаже длинную анфиладу комнат. Рядом находились апартаменты кинозвезды Греты Гарбо. В честь премьеры ее нового фильма вечером в саду знаменитой «Эспланады» собирались устроить вечеринку с джазом и танцами. Но все смешалось, едва лишь телеграфное агентство и радио Берлина передали страшную новость о происшествии в цирке Пауля Буша.

– Они скажут потом – он сам виноват. – Аделаида пристально глядела на Марию Кораллову. – Они заявят: он совершил фатальную ошибку, выпустил свою тринадцатую. А у львицы этой как раз началась течка. Кто же выводит такую львицу к львам-самцам на манеж? Он добивался совершенства номера, наш укротитель Анделотти, вопреки всем цирковым правилам, да? – Она помолчала. – Вопрос только – что его заставило поступить столь опрометчиво?

Мария Кораллова вспомнила, как за кулисами цирка помощники укротителя Анделотти, выстроившие из клеток туннель, по которому на манеж шествовали одиннадцать львов и старая самка, выпущенные для выступления, сначала недоуменно переглядывались, а затем начали роптать, потом кричать, указывая в глубь львятника, где возился с ключами сам укротитель. Там в дальней клетке сидела отлученная от прайда тринадцатая львица.

Номер со львами делал сумасшедшую кассу цирку Буша. Однако даже цирковые артисты, много повидавшие на своем веку, открыто осуждали крайне жестокие методы дрессировки Анделотти, которыми он «укрошал» львов, приводя их к повиновению. Животных он запирали в тесных клетках, бил нещадно дубинкой, хлестал бичом. Его помощники часами поливали львов из брандспойта, приучая бояться и палки, и хлыста укротителя, и холодной воды. «Звезда программы» был законченным садистом. И все в цирке это знали.

– Что вы делаете, Анделотти? – тревожно спросил прибежавший на шум распорядитель манежа. – Вы что, забыли, какая она? Это нельзя, невозможно! Это опасно!

Укротитель Анделотти оттолкнул его. Мария видела, как он побледнел. Черная полоска щегольских усов... Взгляд...

Он сам подкатил клетку к железному туннелю, закрепил ее и открыл задвижку. Тринадцатая львица побежала в сторону манежа. А он вошел в туннель вслед за ней. Оглянулся...

Его глаза... Он смотрел в сторону двери. На пороге львятника стояла Аделаида. На плече ее сидел цирковой ученый ворон.

В тот миг Мария Кораллова испытала дикий, почти первобытный страх. Причину его в тот момент она не могла себе объяснить.

На манеже ждали львы. Цирковой барабан ударил дробь. Публика аплодировала, когда укротитель Анделотти с бичом и палкой вышел из туннеля клеток. Номер начался эффектно. Дрессированные львы забрались на поставленные пирамидой тумбы. Укротитель шагнул к зверям и оказался в центре прайда. Его коронный номер – «Один среди львов». Львы сидели над ним на высоких тумбах, лежали у его ног, окружали его со всех сторон. Слева помещалась на тумбе та самая львица. Львы возбужденно принюхивались к ней, скалили клыки. И внезапно...

Лежавший у ног укротителя гривастый могучий лев вдруг перевернулся на спину и словно играючи захватил когтями сапоги Анделотти, потянул, пружинисто прынул вверх и вцепился прямо в живот укротителя.

Львы сразу напали на них обоих.

Кровавый клубок покатился по манежу.

Опрокинутые тумбы...

Истерические крики зрителей.

Львиное рычание...

Заполoshные холостые выстрелы из пистолетов помощников... Даже они не смогли заставить львов разбежаться. Не помогли и пожарные брандспойты.

В кровавом клубке на арене мелькали гривы, хвосты, лапы, ощеренные пасти, когти...

Мелькнуло, как в волнах, растерзанное тело с торчащими из алой венгерки сломанными, перекушенными ребрами...

Тринадцатая львица вырвалась из клубка, унося в пасти ногу в охотничьем сапоге...

– Не жалейте укротителя. Он был настоящий живодер. Черное сердце, как говорят у нас в цирке. Но вы, Мари, сами-то поняли, что произошло сегодня на манеже? – спросила Аделаида.

Перед глазами Марии всплыла картина – как они вошли в гранд-отель «Эспланада». В мраморном холле у стойки висели афиши. Самая яркая и кричащая изображала ее, Аделаиду Херманн, в костюме одалиски, с воздетой над головой рукой, сжимающей кривой ятаган. Рядом обезглавленное женское тело – на коленях с протянутыми в мольбе руками. Отсеченная женская голова на пьедестале. Нежная довольная улыбка на мертвых (или живых?) губах. Сверху среди гирлянд и цирковых огней парит скелет с зеленым венком.

Кого он собрался увенчать лаврами?

Надпись: Аделаида Херманн. Женщина-факир. Великая магия. Спешите видеть!

– Я не знаю, что вам ответить, Аделаида, – произнесла Мария. – Я боюсь ошибиться. И страшусь даже предположить...

– А вы не бойтесь, милочка.

Они говорили по-французски. Мария с гимназических времен отлично знала этот язык, Аделаида Херманн владела им как родным. Кажется, она была англичанка, но, как знала от мужа Мария, большую часть жизни провела в Америке. Впрочем, Аделаида говорила и по-немецки как немка, и по-итальянски как итальянка. И на венгерском, и на иврите. И с цыганами могла поддержать беседу на их языке. И читала тексты на латыни и староарамейском.

В холле гранд-отеля «Эспланада» возле ее афиши ждал штурмовик в коричневой форме – высокий блондин с военной выправкой.

– Вальтер, не сейчас, приходите в другой раз, сегодня я занята, – бросила ему Аделаида Херманн, ведя оробевшую Марию Кораллову к лифтам. И он кивнул, щелкнул каблуками по-военному.

– Вальтер Штеннес, – сказала Аделаида в лифте Марии. – Далеко пойдет парень... Милочка, вы тоже будьте готовы, что такие, как он и ему подобные... я

имею в виду политиков, фанатиков, секретных агентов и просто авантюристов с большими амбициями... Они станут потом приходиться и к вам. Просить вас, намекать, даже требовать... Ну если все же вам суждено ступить на наш общий путь.

Сейчас в номере с окнами на Потсдамскую площадь, наблюдая за потрясенной Марией, Аделаида Херманн словно заново оценивала ее, оглядывая с головы до ног. Она как будто выбирала, прикидывала, рассчитывала что-то в уме.

- Вы когда-нибудь слышали о Четвертых? - спросила она.

- Нет. - Мария поставила пустой бокал на столик у дивана. Шампанское ударило ей в голову.

- А про апостола Симона Зилота знаете?

- Да, читала в детстве Писание. Мой отец был священником. Архиереем.

- Как интересно. А вы, дочь священника, начали карьеру в кордебалете?

- Я сбежала из дома в пятнадцать лет. Бросила гимназию. Поступила в Петербурге в кафешантан. Я выступала на «Вилле Роде», был такой знаменитый ресторан с эстрадой до революции у нас... там, в Петрограде.

- Да, вы мне говорили в прошлую нашу встречу год назад в Гамбурге. Вы с мужем познакомились на эстраде?

- На «Вилле Роде», он выступал с номерами как иллюзионист.

- Ваш муж - дальний родственник покойного Пауля Буша, тот мне сам говорил, ревальская родня. Ваш супруг ведь немец? Он не вернется назад в Советскую Россию? Он уехал... точнее, бежал от чекистов и большевиков.

- Я не интересуюсь политикой. А муж... нет, он не вернется. Он меня фактически бросил. У него другая женщина. Он останется в Германии с ней. А мне надо возвращаться домой. Я здесь одна уже не заработаю на кусок хлеба. Мне двадцать девять, я стара для кабаре. А в цирке... с сегодняшнего дня я,

кажется, ненавижу его.

– Муж вас разлюбил, Мари? – Аделаида Херманн подошла близко, протянула руку и коснулась ее щеки. – А вы ведь его спасли, как мне рассказывал Пауль Буш. Тот поединок в Петербурге... Говорят, самая последняя дуэль в России перед тем, как большевики совершили свою революцию. Ваш муж, цирковой артист, фокусник... он тогда ходил еще в женихах, схватился за пистолет... Тот второй дуэлянт – адъютант великого князя... Буш говорил мне, что на месте адъютанта должен был быть сам князь, однако, конечно, это невозможно... Стреляться члену царской фамилии из-за девчонки из кафешантана. Адъютант был меткий стрелок, он бы убил вашего жениха с первого выстрела. Но там ведь что-то случилось, Мари? Там, на берегу Финского залива. Вы же приехали на место дуэли, примчались в страхе за своего жениха. Адъютант стрелял в него, а попал в своего секунданта, который стоял в трех шагах, почти рядом. Странный какой выстрел, пуля изменила направление почти под углом в девяносто градусов и вернулась...

Мария Кораллова молчала.

– Вы ведь знаете о Ловцах пуль. – Аделаида Херманн усмехнулась.

– Вы сами Ловец. Муж рассказал мне, как вы делали номер в молодости. В Чикаго поймали все шесть пуль, повергнув зрителей в шок и трепет.

– Говорят, что в нашей профессии факиров такой номер – как пропуск в некий высший круг посвященных. Тот бедный китаец Чунг Линг хотел сделать как я... Самонадеянный дуралей... Конечно, он погиб. Он ведь не был Четвертым. После его смерти номер запретили в цирках повсеместно. Это нельзя повторить, понимаете? Есть вещи, не поддающиеся ни подражанию, ни профессиональной тренировке. Врожденный дар, либо он есть, либо его нет. У вас, милочка... Ответьте мне откровенно, вы что-то сделали тогда, в сентябре семнадцатого года, на берегу залива, когда ваш жених стрелялся из-за вас, когда пуля вернулась назад, нарушая все законы баллистики?

– Я... нет... да что вы... Нет! – Мария ощутила, как внутри ее зажигается свет... огонь – тот самый, дикий, пугающий, властный, опаляющий ее ум и сердце. – Нет, это фантастично и глупо звучит! Невозможно! Я никогда даже не думала... Все вышло случайно!

- Случайно?

Пауза.

- Нынешнюю трагедию в цирке со львами, сожравшими укротителя-живодера, тоже назовут случайностью, - произнесла Аделаида Херманн. - А я говорю вам сейчас - я сделала это для вас. Наглядная демонстрация, милочка.

Мария Кораллова воззрилась на нее.

Страх... ужас... но и восторг. Великое искушение... Почти экстаз. Она знала... нет, конечно, не знала... подозревала, но...

- ЧЕТВЕРТЫЕ. - Аделаида Херманн спустила боа из перьев со своих полных дряблых плеч. - Вам, возможно, расскажут разный вздор. Не слушайте. Это не имеет никакого отношения к иудаизму. Новые Четвертые идут дальше... Возможно, со временем мы... они уйдут так далеко, что нельзя будет уже вернуться... Или деградируют. Что тоже возможно. Великое искусство подвержено деградации. Но не в вашем случае, Мари.

- Я не могу выразить то, что чувствую сейчас, - честно призналась Мария Кораллова. - У меня просто не хватает слов. Но я... я вами восхищаюсь! Я в полном ужасе, но я восхищаюсь. Я склоняюсь ниц... И я готова... Вы только не считайте меня сумасшедшей, пожалуйста!

- А вы - меня. - Аделаида Херманн мягко и хищно улыбнулась. - Итак, с мужем вы расстанетесь. Любовь, дуэль, чудесное спасение, риск, жертвенность оканчиваются банальной мужской интрижкой на стороне и трусостью. Но вы в результате обретаете полную свободу. В Германии вам, конечно, нечего делать. Скоро здесь иностранцам придется несладко. Грядут большие перемены, Мари. Так что будьте готовы. Ваша жизнь станет иной. Но вам придется сменить имя.

- Сменить имя?

- Я сама вам его выберу. Таков обычай Четвертых. Имя, несущее тайный смысл. Я, например, Prisca Loricata[1 - Prisca - древняя, архаичная (лат.). Loricata - в зоологии обозначает класс рептилий (лат.). Можно перевести с латыни как

«древний ящер».), потом я вам переведу с латыни... после... Выпейте еще шампанского, вы вся дрожите.

Мария налила себе сама шампанского. Выпила. Снова наполнила бокал – осушила до дна.

– Вечеринку с танцами в саду в честь Греты Гарбо отменили. – Аделаида Херманн взяла ее за руку и повела из гостиной через свою спальню в ванную. – Все репортеры в цирке, газетчики уже подхватили сенсацию о кровавом ужасе на арене. В гранд-отеле «Эспланада» выпадает на редкость тихий вечер.

Огромная королевская ванная, в которой плескался еще кайзер Вильгельм, поражала роскошью – белый мрамор бассейна, фрески, колонны. Мария вспомнила ванную номера петербургского отеля «Европа», куда после выступления на «Вилле Роде» привез ее великий князь Дмитрий Павлович... Димочка... Ее, бывшую гимназистку и дочку архиерея, тогда поразил весь тот гостиничный шик и блеск...

– Искувайтесь, милочка, согрейтесь, – тоном добродушной тетушки предложила Аделаида Херманн, открывая кран.

Вода наполняла ванну-бассейн. Мария сняла туфли. Села на банкетку и начала стягивать чулки с ног. Аделаида наблюдала. Потом медленно направилась к выходу. Обернулась на пороге.

– У вас крепкие нервы, Мари? – спросила она.

Мария не успела ответить – дверь ванной уже закрылась.

Она разделась догола, опустилась в горячую воду. Сердце ее глухо билось. Она видела себя в зеркале ванной – обнаженная, хрупкая, темноглазая брюнетка. Она всегда выглядела намного моложе своих двадцати девяти лет. Атласная челка, стрижка, яркая косметика – цирковой макияж.

В ванной внезапно погас свет.

В полной темноте Мария погрузилась в горячую воду... Кап... кап... Вода из кранов... Кап... кап... Шорох...

- Кто здесь? - Мария вглядывалась во тьму.

Как душно... в ванной уже клубился пар от горячей воды.

Шорох...

Она ощутила, как ее снова колотит дрожь. Нет, нет, она не поддастся глупому мороку... магии... Боже милостивый, как же страшно... Но ведь ничего не происходит. Кругом царит тишина...

Тьма...

И во мраке... шшшорох... шшш шшш... Дверь ванной бесшумно отворилась - в полосе света возник силуэт.

Мария смотрела на темную фигуру на пороге.

- Аделаида!

Чирк... спичкой о коробок.

Дрожащий маленький огонек осветил то, что пряталось во тьме.

Голая дряблая плоть. Женские широкие бедра, обвисшие груди, коричневые соски, шея...

- Аделаида!

Огонек спички погас.

Шаги... шлеп... шлеп... Некто в полной тьме шел прямо к ней, застывшей, оледеневшей в горячей ванне. Шшш...

Плеск... некто осторожно, крадучись забрался в ванну...

Чиркнул спичкой о коробок – они не намокли. Огонек и...

Прямо у своего лица Мария увидела...

Коричневое... сморщенное... морда звериная... лицо... что-то не из нашего мира... нечеловеческое... жуткое...

Не помня себя, она заорала от ужаса. Рванулась из воды. И почувствовала, как цепкая рука сомкнулась на ее горле.

– Не кричи, – прошипел голос Аделаиды Херманн. – Это нельзя прервать. Иначе издохнешь!

Рука давила на шею, Мария ощутила, как ее топят. Последним усилием воли она заставила себя... не сопротивляться. Не бороться, не колотить ногами и руками по воде. Покориться... быть может, даже так встретить свою гибель... отдавая всю себя...

Она сразу ушла под воду с головой, а та, что ее топила, нырнула следом, ее ноги обвились вокруг Марии. Рука отпустила горло. Ее уже обнимали, выталкивали вверх. В полной темноте ванной они вынырнули. Мария хватала воздух ртом, дышала. Горячие руки снова обвились вокруг нее – словно старая хищная наядя поймала ее в свои сети.

Всплеск...

Шепот...

Гортанный клекот – невнятное бормотание на незнакомом языке... Ей что-то повествовали, рассказывали на ухо тайком по секрету... О Четвертых... О тех, что всегда идут дальше. И уже не могут вернуться назад.

Вдруг снова в ванной словно по волшебству зажегся верхний свет. Такой яркий, что стало больно глазам.

Мария Кораллова снова истерически закричала от ужаса. А потом ее крик оборвался.

Глава 2. Вороны

Наши дни. Подмосковье

Ворона хрипло зло каркала в небе, затянутом тучами. Велосипедист, бодро кативший утром по лесной дачной дороге к речке, вскинул голову, рискуя угодить колесом в дорожную яму. Ворона выписывала широкие восьмерки в небе. К ней присоединилась другая, и еще одна, и еще. Они взмыли ввысь, четко выделяясь на фоне низких дождевых туч, словно мазки китайской туши, как тайные небесные знаки.

После небывалой летней жары погода в Подмосковье наконец-то сменилась, тучи напоззли с севера, однако не спешили пролиться дождем. Вороны в небе поднялись еще выше, а затем как по команде спикировали вниз, пронзая свинцовую пелену облаков.

Птиц что-то привлекало.

Велосипедист, несмотря на свой юный возраст, понял это сразу и ощутил прилив любопытства.

Дачная дорога пошла с холма под уклон – к реке. На берегу выстроились коттеджи. А справа от дороги на склоне холма за высоким забором прятался отдельно выстроенный особняк – видны только крыша да макушки голубых елей, высаженных на участке.

Именно туда с небес, подобно камням, пущенным из пращи, мелькнув в кронах деревьев, буквально упали одна, две... четыре, шесть черных кладбищенских птиц.

Юный велосипедист резко остановился. То, что привлекало воронье со всей округи, находилось за забором на участке. А ворота и калитка – вот они, рукой

подать. Велосипедист спешился, подкатил свой транспорт к забору. Он дернул на себя калитку – заперта. И ворота тоже. Глухой подмосковный забор, крашенный суриком – ни щелочки, чтобы взглянуть, что там за ним.

Велосипедист услышал громкое карканье и хлопанье крыльев. В тихий утренний час шум казался чужеродным, зловещим.

– Эй, хозяйева! – громко позвал велосипедист.

Ему никто не ответил. Лишь каркало воронье за забором.

Тогда, движимый неумным любопытством, дерзостью молодости и еще чем-то... возможно, неизвестно откуда взявшимся страхом и желанием задавить его в зародыше, парень примерился, подпрыгнул, подтянулся – и вот он уже на заборе.

Но разглядеть он ничего не смог – все заслоняли деревья и кусты. Участок был ухожен. Птиц велосипедист не видел – просторный двухэтажный дом заслонял весь обзор. Но парень слышал воронье. Оно хрипло каркало и, кажется, дралось там... за домом, за кустами сирени, вьющихся роз, многолетников, пышно разросшихся по всему участку с подстриженной травой.

Велосипедист спрыгнул на землю, оглянулся на запертые ворота. Достал мобильный телефон, включил камеру и медленно двинулся вперед. За углом дома он сначала увидел маленький декоративный пруд и горбатый деревянный мостик, потом беседку, кусты и...

Садовые металлические кресла опрокинуты, их мягкие подушки упали в пруд. Возле вечнозеленых туй – большой деревянный стол, покрытый бумажной скатертью, разорванной в клочья. Бумажные полосы колыхались от утреннего ветра. Среди посуды по столу расхаживали, как хозяйева, черные вороны – подскакивали, хлопали крыльями, клевали что-то с тарелок, сверкали агатовыми бусинами глаз.

А на траве у стола нечто похожее на шевелящийся черный шар... клубок...

Велосипедист замер, выбросив вперед руку с мобильным – камера его все снимала.

Шум... хлопанье крыльев, перья, пух...

Огромная стая птиц, облепившая нечто лежащее в траве, напуганная видом человека, оторвалась от своего страшного пира и взлетела.

Вороны, вороны...

Велосипедист выронил мобильный, согнулся, закрыл лицо скрещенными руками – он испугался, что птицы нападут на него, как в старом жутком фильме Хичкока.

Каркая, хрипя, галдя, стая взмыла в небо и закружила над участком.

Но много птиц осталось на земле. Некоторые были ужедохлые. Другие умирали, дергаясь в предсмертной агонии, колотя крыльями о траву.

Среди птичьих трупов покоилось мертвое тело.

Лицо было изуродовано, расклевано вороньем.

Мертвец смотрел на велосипедиста черными провалами глазниц.

Окровавленные руки с израненными расклеванными ладонями, словно со стигматами.

У ножки стола что-то белело. Женская льняная шаль... Темные кровавые пятна багровели на ткани, подобно сожженным зноем полевым макам.

Глава 3. Сияющий огнями

Накануне

Некоторые события происходят одновременно, заставляя нас гадать – совпадение это либо некий знак, а может, подарок небес и намек на грядущее. Вроде бы трудно поверить, но попытаться все же стоит. Однако лишь жизнь покажет, как все сложится дальше. Будет ли путь легким или трудным и где впереди ждут крутые повороты, тернии и шипы.

Первый после небывалой жары, опалившей Москву, августовский вечер, когда можно наконец отключить все кондиционеры в квартире, распахнуть балконную дверь с видом на Москву-реку и Нескучный сад и вдохнуть полной грудью ветер, насыщенный запахами уже пролившихся где-то далеко дождей и пыли...

Стоя на балконе в льняной майке, таких же шортах и развевающимся на ветру льняном кимоно, Катя читала свидетельство о разводе, которое получила днем. Хотелось пустить лист по ветру – лети, лети, лепесток, через запад на восток... лишь коснешься ты земли... воды... стань корабликом на Москве-реке.

Ну вот и все. Они закончили с Драгоценным общую жизнь, свою историю. Он простил ее и отпустил. Простил ей все, в чем она была перед ним виновата. А ей не в чем винить его, она давно уже поклялась не высчитывать, не вспоминать его ошибки и промахи. Теперь все уже не важно. Драгоценный отпустил ее, дал ей свободу и даже ничего не забрал, только приумножил то, что когда-то у них было общее. Не только в смысле денег на жизнь... Хотя и в этом он остался щедр и добр. Когда-то она не знала, куда деться, куда спрятаться от его великодушия. Но теперь эта страница жизни окончательно перевернута. А что впереди?

Она вернулась в комнату, выдвинула ящик комода и аккуратно положила свидетельство о разводе к остальным документам.

Включила очиститель и увлажнитель воздуха в спальне. Обычная вечерняя рутина. Пошла на кухню, налила себе холодного чая с мятой и лаймом из кувшина. Шлепая босыми ногами по полу, прошествовала в холл и отодвинула дверь гардероба.

Чистый минимализм в остатке. Кричащий надменный холодный минимализм. Черное, белое, синее. Деловые костюмы, белые хлопковые рубашки, черные шелковые рубашки, брюки, брюки, джинсы, лен, дорогой кашемир, шелковое белье... В глубине сиротливо висела косуха. В углу скукожились замшевые ботфорты, потонув в море туфель на шпильке. Высокие каблуки... Она всегда их

любила, хотя не нуждалась в том, чтобы прибавить себе роста.

Глянула на себя искоса в зеркало. Некая новая личность... незнакомка. Волосы, распущенные по плечам, длинные ноги. Она похудела. Несмотря на полуторамесячную жару, совсем не загорела на солнце. В последнее время даже сотрудники пресс-службы подмосковного Главка полиции, где она работала криминальным обозревателем, днями и неделями сидели на удаленке, писали статьи дома, отсылая их по электронке, и лишь в экстренных случаях выезжали на места событий.

Многие вещи теперь просто потеряли свою цену, стали не нужны. Шастаешь босая по квартире с закрытыми от солнца жалюзи в шортах и майке и сочиняешь статью о грабеже в особняке в Лайково, совершенном гастарбайтерами, которые не признают ни локдаунов, ни пандемий. Причем пишешь не за столом, а сидя как йог на кровати в спальне, наклонившись над ноутбуком, потягивая холодную минералку прямо из бутылки.

Катя внезапно почувствовала, что ее снова бросило в жар, хотя квартира, проветрившись, наполнилась целебной живительной прохладой и запахом дождя и реки.

Она вернулась в комнату, с грохотом выдвинула ящик комода – бумаги... свидетельство о разводе. Свобода...

Свобода нужна, чтобы совершать ревизию своего офисного гардероба? Не есть ли то знак высшей бессмысленности нашего существования в этом мире?

И тут вдруг мобильный подал сигнал – пришло сообщение в WhatsApp.

Что-то случилось – так в первый миг решила Катя. И цель появилась – ехать, мчаться куда-то на ночь глядя – наблюдать, участвовать, описывать расследование, собирать материал по горячим следам.

Она открыла мессенджер.

Смотрела на сообщение, пришедшее только что.

Не по работе. Личное.

Отправитель ей знаком.

В их переписке всего несколько коротких сообщений. Первое Катя не удаляла, хотя каждый раз, когда она читала его, ее щеки пылали. Дерзость... А поначалу она вообще восприняла написанное как великую наглость. Но это не было наглостью. Честно говоря, это не являлось и дерзостью.

Отчаянный жест.

Второе сообщение представляло лаконичный диалог. Его ответ - «Не опоздаю ни на минуту».

Это когда они встретились в пустом джазовом клубе и расстались потом надолго.

Третье сообщение пришло спустя четыре месяца. Коротенькое слово...

Катенька...

Она не ответила сразу, ждала, что последует за его обращением к ней. Но снова на месяцы воцарилось молчание.

А теперь новое послание. Катя скользила глазами по строчкам. Стихи Лермонтова. «Сон» - только перефразированный, с иными акцентами...

Лежал недвижим я...

В полдневный жар в долине Дагестана

Глубокая еще дымилась рана,

По капле кровь точилась моя...

У Кати потемнело в глазах. Она сжала мобильный. Строчки расплывались. Она начала быстро набирать ответ, сбилась...

Но мобильный колокольчик прозвонил снова.

И снился мне Сияющий Огнями...

Вечерний...

Катя посмотрела на сияющий огнями город, раскинувшийся за окнами ее квартиры.

И жгло меня...

Сидела ты задумчиво одна...

Тот, кто прислал ей «Сон», задал вопрос:

Одна?

Самого худшего, того, что представилось ей, когда она прочла про «рану», к счастью, не произошло. У нее отлегло от сердца.

На подоконнике ее квартиры с некоторых пор поселился мраморный античный бюст. Продавали его по интернету как стильное украшение для квартир, офисов и лофтов, именуя богом Аресом.

Но Катя сразу дала мраморному воину в греческом шлеме другое имя.

Гектор.

Ее самый любимый герой «Илиады». Кого еще в детстве она так мечтала спасти под стенами Трои.

Глава 4. Неизвестно что

- Нет, никак нельзя. Мы вас на территорию пропустить не можем. Приказ.

– Но это место происшествия, разве нет? Я криминальный обозреватель пресс-службы Главка Екатерина Петровская, мы всегда работаем вместе с оперативной группой. Скоро и наш телеоператор подъедет.

– Здесь и с опергруппой пока туго, конь не валялся. И какой еще телеоператор? Да вы что?! Нет, мы вас пропустить не можем. Категорически запрещено.

Диалог с неумолимыми патрульными происходил у ворот дома на холме в лесу в подмосковном Полосатово. Место Катя еле нашла по навигатору, вбив туда адрес. Выехать в Полосатово ее попросил шеф пресс-службы, позвонивший утром. Катя как раз открывала припаркованный во дворе ее дома на Фрунзенской набережной свой маленький «Мерседес Смарт», который верно продолжал служить ей. В субботу она планировала приехать в пустой офис пресс-центра в Никитском переулке – в период пандемии сотрудники пресс-службы чередовали дежурство «в присутствии» с удаленкой. В тишине выходного дня Катя собиралась переделать все накопившиеся дела. Однако ее шеф сам позвонил ей.

– Все меняется, Екатерина, – объявил он, выслушав ее. – С делами в Главке я сам завтра разберусь, а ты, пожалуйста, отправляйся в Полосатово прямо сейчас, не откладывая. Там очень странный случай приключился. Они сами озадачены – я звонил в тамошний отдел полиции только что. Их начальник после трех суток дежурства домой уехал, но они его снова вызвали, ждут. В Полосатово сейчас так же скверно, как и везде. Много заболевших среди личного состава, работать практически некому. А тут, как на грех, странные и зловещие загадки... Если предчувствия меня не обманывают, Екатерина, а ты знаешь – я редко ошибаюсь, это тот еще случай. Особый. Нам, пресс-службе, его упустить нельзя. Но будь крайне осмотрительна и осторожна на месте происшествия. Возможно, тебе там дадут более четкие инструкции, и ты их выполняй.

Однако, пока в Полосатово, где она прежде не бывала никогда, ей не только не дали «четких инструкций», но вообще гнали прочь.

Катя готова была уже сдать. Она оглядывала высокий деревянный забор, крашенный суриком, – ничего не видно, кроме крыши дома, верхушек деревьев. У забора всего две сиротливые полицейские машины. У ворот со взломанным замком патрульные не просто в полицейской форме, но и в противогазах!

Визг тормозов. У забора лихо остановился огромный «Гелендваген», сияющий черным лаком и хромом. Из него вышел высокий широкоплечий статный мужчина – шатен с серыми глазами, облаченный в строгий черный костюм и белую рубашку (галстук приспущен), и решительно шагнул к патрульным.

Катя замерла. Хотя... что скрывать... она знала, чувствовала, что все скоро случится, возможно, именно так после вчерашнего вечернего...

– Полковник Гектор Борщов. Спецпредставитель и советник-референт Совета национальной безопасности. – Мужчина небрежно вскинул в сторону патрульных не привычную красную «корочку», а новомодный бейдж с гербом. – Вы что за самодеятельность разводите, сержант? Что за маскарад с противогазами? Здесь рядом правительственная трасса, царский поезд и конвой уже в пути, вы сечете серьезность момента? Или мы с вами в детском саду в игрушки играем? А? До-о-оложить обстановку!

– Товарищ полковник, чрезвычайное происшествие. Труп обнаружен на участке домовладения. Странный какой-то... Выставлены здесь в качестве поста, чтобы ограничить доступ на участок. А тут пресса права качает! Лезет! – патрульный, бормоча, кивнул на хранившую молчание Катю.

Полковник Гектор Борщов искоса мельком тоже глянул на нее.

– Пресса? Где? – Тон его резко изменился, этакий тревожно-капризный фальцет, как у булгаковского Фагота. – Вы бредите, сержант? Рядом правительственная трасса, маршрут уже согласован и задействован. Какая пресса, а?

– Да вот же она, перед вами, а я воспрепятствовал!

– Не пререкайся! Чтобы никакой прессы у меня. Под вашу персональную ответственность. А это не пресса, это коллега из пресс-службы подмосковного Главка, пропустить разрешаю только ее одну. – Полковник Гектор Борщов легонько, очень бережно подтолкнул ошеломленную Катю вперед, надвигаясь всей своей массивной атлетической фигурой на оробевшего патрульного, тесня его на участок. – Работает только она здесь без ограничений с полным допуском. Остальных гнать! И я не понял юмора – что значит труп странный?

– Товарищ полковник, я лучше сейчас нашего эксперта-криминалиста позову.

Патрульный развернулся, приоткрыл ворота и ушел. Второй остался на месте. В проеме ворот Катя разглядела ухоженный участок с цветами, дорожками, автоматической поливкой и каменный двухэтажный особняк, выкрашенный охрой.

– Здравствуйте, Катя, – тихо и совсем уже другим тоном произнес полковник Гектор Борцов.

– Здравствуйте, Гек. – Катя обернулась к нему. Они смотрели друг на друга.

Через участок к ним двигалась призрачная белая фигура в маске и костюме биозащиты, какие носят врачи в коронавирусной красной зоне.

– Эксперт-криминалист Павлов, пока в отсутствие начальника отдела, он скоро будет, я за старшего здесь. – Он глянул на бейдж полковника Борцова и сразу стал чрезвычайно деловит. – На текущий момент ситуация следующая: мертвая женщина в саду. Давность смерти около трех суток, причина пока не установлена. Других жильцов в доме нет. Особняк, как мы выяснили, принадлежит некой Гришиной Регине Федоровне. Судя по всему, это и есть погибшая. Обнаружил ее случайный свидетель.

– Ворота грубо взломаны, – заметил Гектор Борцов. – Ваш случайный свидетель – вор-взломщик?

– Студент, сын замглавы Роскомнадзора, ехал на велосипеде на реку. Его насторожили птицы, воронье, кружившее над участком. Он перелез через забор. Ворота мы сами взломали, когда сюда прибыли. И кстати, до правительственной трассы здесь пятнадцать километров.

– Не пререкайся, вся прилегающая к трассе территория обрабатывается на предмет национальной безопасности, – полковник Гектор Борцов и его осадил. – Мы с коллегой из пресс-службы сейчас пройдем на участок и сами посмотрим и оценим.

– Проходите, но встаньте здесь. Ближе нельзя пока. – Эксперт-криминалист повернулся и повел их к дому. Остановился на углу.

– Катя, вы держитесь за мной, ладно? Тут что-то действительно непонятное, – шепнул Гектор Кате.

Словно и не было всех тех долгих месяцев после того, как они виделись последний раз. Как будто они расстались только вчера...

Катя кивнула. Она растеряла все слова. Все случилось так внезапно...

Яркий огненный торнадо ворвался в летний августовский день, в ее новую жизнь...

С усилием она заставила себя сконцентрироваться на том, что открылось ее взору – на удалении стол, покрытый бумажной рваной скатертью. На нем посуда, опрокинутая бутылка вина, бокал, чайная чашка, чайник. Садовые кресла валяются в траве. Маленькая заводь и декоративный горбатый мост. Вокруг пышный цветник, клумбы, розарий. Липы, голубые ели, туи...

Пятна на траве – одни солнечные, светлые, другие – черные. Мертвые вороны, птичьи трупы. Их много. Птицы валяются и на траве, и на декоративном горбатом мосту, и на садовой дорожке.

Чуть поодаль от стола рядом с опрокинутым креслом лежит в траве тело.

И отсюда, от угла дома, его рассмотреть невозможно.

– Студент, что забрался через забор на участок, перепугался так, что даже в полицию сначала не позвонил, ринулся на папину дачу, сел в машину и помчался в частную клинику в Одинцово – сдавать тесты и анализы крови. Только оттуда уже позвонил в полицию. Я с ним потом говорил коротко – он мне кричит, как безумный: это, мол, вирус мутировал, новый смертоносный штамм объявился, – устало доложил эксперт-криминалист. – Вбил себе это в голову парень. До сих пор в клинике на обследовании. Сейчас народ психованный стал, истерит. Но я, когда прибыл, решил сначала вызвать из экспертного управления нашу новую службу биологической защиты, чтобы они отработали все и взяли образцы и анализы на предмет обнаружения неизвестных вирусов и патогенов. Без этого осмотр места и трупа мы производить пока не будем. Надо ждать. Они сейчас уже приедут, звонили мне.

– А что вас встревожило, помимо дохлых ворон? – спросил Гектор Борщов.

– Вид и состояние тела. У женщины я визуально не нашел никаких внешних ран или повреждений. Но на траве и в почве полно крови. И труп весь в ней, засохшей. Погибшая быстро истекла кровью, причем та выступала из ее пор через кожу. У мертвых ворон окровавленные клювы. Да, они всю ее расклевали за дни, пока тело лежало в саду. Однако у некоторых птиц кровь, как я увидел, выступала из глаз... При таких обстоятельствах мы не можем начать осмотр тела и места без отработки противоэпидемиологическим подразделением.

– Грамотно поступили, осмотрительно, – похвалил его Гектор Борщов. – Но, может быть, это не мутация вируса, а яд. Отравление.

– Яд? – Эксперт-криминалист глянул на него, словно и его только что самого осенило.

– Вы в дом покойной не заходили?

– Пока нет.

– Какие-то личные вещи ее обнаружены в саду?

– Шаль, шлепанцы, ее мобильный валялся в траве – я его попробовал включить. Он в нерабочем состоянии, возможно, влага, роса ночная тому причиной. Картина такая – она чаевничала в саду одна, выпивала и внезапно умерла.

– Ворота были заперты?

– Изнутри. И калитка садовая. А дверь дома открыта.

– А почему вы один здесь?

– У нас треть сотрудников в самоизоляции сидит, а треть болеет. Привитые все. Умерших, к счастью, нет. Все, кто есть сейчас в дежурной оперативной группе, здесь. Начальник отдела Блистанов трое суток дежурил, я его опять вызвал из дома, но пока он из Перхушково своего доберется сюда, в Полосатово... И потом, мать моя начальница, наш...

- Как, как вы его назвали?

- Капитан Блистанов. - Эксперт кашлянул. - Он после трех дежурных бессонных суток не совсем адекват. Ему время нужно в форму прийти.

- Соседей опросили?

- Нет, ничего пока не успели.

- Соседями мы с коллегой из пресс-службы займемся. - Гектор Борщов глянул на Катю, стоявшую рядом. - Раз надо ждать спецов биозащиты.

- Тут нет соседей. А отработкой территории правительственной трассы, между прочим, служба ФСО занимается, при чем здесь спецагент - советник Совбеза? - Эксперт-криминалист был не дурак, он начинал хамить.

- Не пререкайтесь. Вы представляете, кто перед вами? В гробу я видел вашу ФСО. - Гектор Борщов расправил широкие плечи. - В лесу, когда сюда ехал по бетонке, заметил две дачи. Ни фиги себе избушки. Туда мы сейчас с коллегой и направимся.

В дачном лесу, пронизанном светом и солнцем, выглянувшим из-за свинцовых туч, тщетно обещающих долгожданный ливень, Катя, замедлив шаг, произнесла четко и звонко.

- Гектор, вы появились эффектно, как в античной пьесе - бог-решала из машины. Троя, как всегда, рулит?

- Не рады мне, Катя? - Он остановился.

- Да что вы, нет, очень рада! - Катя сразу заволновалась, потому что увидела - он и сам взвинчен до предела. Все напускное, весь его стеб и апломб разом исчезли, как только они остались вдвоем - на лесной тропинке, ведущей к соседним дачам. - Я беспокоилась о вас, Гек. Думала...

– Обо мне? Правда? А что вы обо мне думали, Катя? – Он смотрел с высоты своего роста. На лице его очень сложное выражение – радость, мальчишески-отчаянное смятение и одновременно... скрытое, которое, однако, не сдерживается уже ну никак! Никакими железными усилиями воли и самоконтроля, перехлестывает через край, выходит из берегов, сверкая гранями надежды, испуга, решимости, дерзости, счастья, печали...

– Я сильно тревожилась за вас все это время. Где вы пропадали?

– В разных местах, то там, то здесь. А что еще вы обо мне думали?

– Я хотела, чтобы вы были в безопасности. Целы, невредимы, не ранены. И чтобы вы скорей вернулись.

– Куда? В Москву?

– Да! И еще чтобы все стало опять... как тогда в Староказарменске, когда мы вместе расследовали то убийство.

– Катя, я вернулся. Я здесь.

– Но я не понимаю... что вас сюда, на дачи, привело? Вы знаете эту женщину? Погибшую?

– Нет, понятия не имею, кто она, так же, как и вы пока. А как я здесь оказался... – он шагнул к Кате. – Я сюда за вами ехал. Я преследовал вас.

– Преследовали меня?

– Пока ехал, держа дистанцию за вашей машиной, все думал, прикидывал, как вам объяснить свое появление. Решил, что лучше чистую правду сказать. Я ждал все эти месяцы... ну весточки от вас. Мейла, звонка... Надеялся – как мы тогда с вами договаривались... что вдруг потребуется вам помощь моя в чем-то. Но вы крайне независимы и самостоятельны, Катя. Так и сто лет могло еще пройти... А я не в силах ждать так долго. Я должен был вас увидеть. Чтобы все... ну мир окружающий какой-то смысл для меня обрел вновь.

– Вы воевали? То, про что вы тогда говорили, помните? Совсем маленькая частная армия, ЧВК и вы?

– Недолго. Я три месяца в госпитале лежал, когда плановые операции возобновили. И потом еще в частной клинике проходил реабилитацию.

– Вас ранило? – У Кати снова, как и вчера вечером, потемнело в глазах.

– Нет, это другое. – Он глядел на нее в упор. Не опускал взор свой долу.

Его освещало сейчас солнце. И Катя, вглядываясь в его облик, искала в нем и прежнее, и новое...

Шлемоблещущий Гектор...

Я Гектор Троянский...

Они не упоминали о вчерашнем. О перефразированном стихотворении «Сон», что он послал ей вечером в мессенджере. Но Катя знала – его послание как фон сейчас, как рефрен в их столь сдержанной внешне и такой скрыто эмоциональной беседе.

– А как вы узнали, что я еду на работу? – Она искренне недоумевала.

– Я не знал про Полосатово. – Он усмехнулся уголком рта. – Утром приехал к вашему дому. А вы вышли из подъезда и сразу к машине – вид такой деловой, строгий, серьезный. Я аж оробел. Пока с духом собирался – вы уже на набережную вырулили из двора. Я рванул за вами.

– Но суббота же, Гек! Выходной, а вы меня у подъезда ждали, как же это... И потом, мы сейчас много из дома работаем. Я вообще никуда не выхожу.

– Вы по субботам и воскресеньям часто утром бегаєте в Нескучном саду.

Катя лишь головой покачала – вот, значит, как у нас дела обстоят... Он за ней следил! Шлемоблещущий Гектор...

– Идиот я, да? Ну, гоните меня теперь в шею. Заслужил.

– Гек, вы неисправимы. Ваше появление и то, как вы сразу всех местных построили... У меня просто слов нет! Но вы же тогда уволились из ФСБ, как же теперь...

– В конторе я больше не служу.

– А документы? Ваш ошеломительный для местных бейдж референта Совбеза? Он настоящий?

– У меня все всегда настоящее. – Он уже улыбался. Это был тот самый прежний Гек – из их общего прошлого, которое еще не окутала тьма, из времени, когда все были живы, а тайное пока так и оставалось тайным, сокровенным. – Катя, вы ведь сюда приехали работать, материал собирать для статьи. А вас не пускали здешние обормоты. Я легонько на них наехал. Зато теперь мы с вами в самой гуще событий. Вы получите сенсационный материал. Для вас работа, как я заметил, всегда на первом месте. Должен я вам как-то компенсировать то наше прошлое дело, о котором вы так и не написали ни строчки.

Катя вспомнила их тайную переписку в мессенджере. Его пронзительное, отчаянное, нежное...

Катенька...

И снился мне Сияющий Огнями...

Вечерний...

Его вопрос

Одна?

Вспомнились ей и его прежние стихи, которые он сочинил для нее сам, выдав за строки убитого боевиками брата-близнеца.

Я позову, но ответишь ли ты?

Подашь мне какой-то знак?

Все это как тайная музыка сейчас, как аккомпанемент. Хотя вслух они обсуждают иные вещи.

– Хорошо, договорились, – очень сдержанно и вежливо ответила на его вопрос Катя. – Давайте побеседуем с соседями Регины Гришиной, если это действительно она там мертвая в саду.

В первом дачном доме, куда они постучались в калитку, им никто не открыл. Дом стоял запертый, с закрытыми ставнями. Участок весь зарос.

А из-за высокого зеленого забора второй лесной дачи им ответил женский голос:

– Что вам угодно?

– Мы из полиции. Несчастный случай с вашей соседкой Гришиной, – объявил Гектор.

– С Региной? А что случилось?

Калитку открыла женщина в возрасте, одетая по-дачному, но дорого и стильно. Узрев Гектора Борщова, столь похожего на блистательного Джерарда Батлера, она не отрывала от него глаз. И не закрывала болтливый язвительный рот.

Глава 5. Кладбище

– Скончалась? Регина? – Пожилая дама испуганно округлила глаза и всплеснула руками, когда Гектор, представившись и узнав ее фамилию, объявил ей о смерти соседки. – У нее наверняка повторный инфаркт. Первый случился полтора года назад и едва не убил ее!

– Когда в последний раз вы видели свою соседку? – спросила Катя. – Вы с ней дружили, общались?

Дама перевела на нее взор, с трудом отрываясь от созерцания Гектора Борщова, уже пустившего в ход свое врожденное обаяние.

– Мы не особо дружили, мы соседствовали. Мы с мужем не живем на даче постоянно, только летом и ранней осенью. Мой муж работал в первом департаменте МИД. Сейчас мы на пенсии. Регина из нашего, так сказать, круга, она свой дом себе сама заработала. У нее имеется прекрасная жилплощадь на Старом Арбате, но она там не жила, сидела на даче практически безвылазно, восстанавливала здоровье свое. А виделись мы... когда же мы виделись? Вроде не очень давно... не помню точно... Регину я случайно встретила в нашей роще, мы с мужем гуляли на закате, а она по тропинке шла в сторону кладбища.

Дама-соседка так и сказала «прекрасная жилплощадь», а не «квартира». В тоне ее дребезжали ржавые завистливые нотки.

– Вороны кружили над домом, целая стая, – заметил Гектор. – Вы разве не видели черных птиц?

– Здесь лес кругом. – Дама оглядела большой ухоженный участок. – И я не имею привычки считать облака, я постоянно занята. Муж после перенесенного ковида с постели еле до туалета добирается, а сиделка от нас сбежала, мерзавка. Вы сказали, вороны слетелись на участок? Так что же это... она там мертвая лежала?! Не один день?

Они молчали. Дама-соседка испуганно ахнула и прикрыла рот рукой. До нее дошло.

– Боже мой... Регина... бедная... без помощи... Так страшно умереть... Совсем одной... Ну конечно, это сердце. Регина сильно сдала за последние полтора года. Раньше была такая энергичная – за собой следила, постоянно косметолога навещала, красилась то в брюнетку, то в блондинку, хотела пластику делать, по магазинам ездила. Но потом умер ее единственный сын, а сама она от горя схлопотала инфаркт. И все закончилось...

– А чем она занималась? – спросила Катя. – Чем на жизнь зарабатывала?

– Она подвизалась на разных должностях сначала в Торгово-промышленной палате, ну а потом в Министерстве путей сообщения. – Сочувственные ноты вновь пропали из тона соседки. – Она была деловая женщина, самостоятельная. Хваткая. Сама себе заработала за свою жизнь столько, что могла спокойно уйти на покой, жить в своем красивом доме полностью обеспеченной. Однако... смерть сына подкосила ее кардинально.

– У потерпевшей должен быть обширный круг знакомств и общения, – заметил Гектор нейтрально. – Такая умная и наблюдательная женщина, как вы, конечно, составила себе мнение о ее знакомых?

– Регина мне весной, в мае, когда мы с мужем приехали на дачу и я к ней зашла, сказала с горечью, что она затворилась от мира после смерти сына. И пожаловалась, что ее окружают одни шакалы, гнусные алчные люди, у которых ничего святого.

– А кого она могла иметь в виду, как по-вашему? – уточнил Гектор.

– Конечно, свою дальнюю родню, кого же еще? – Соседка хмыкнула. – У нее близких родственников совсем нет, но есть две двоюродных сестры. Такие неприятные особы. Одна – старая дева, а вторая замужем. Им, наверное, все теперь и достанется. И ее деньги, и недвижимость.

– У нее дом большой, прекрасно ухоженный участок, как мы видели, – заметила Катя. – Она сама вела хозяйство или у нее имелась помощница?

– Садового дизайнера это я ей порекомендовала еще несколько лет назад. А Регина мне в благодарность весной дала контакты своей домработницы Карлы, она филиппинка. Работящая, аккуратная, без претензий. Я очень ею довольна. Она приезжала к нам на дачи и убиралась у меня и у Регины. Правда, та ее в последнее время приглашала довольно редко. «Убирушка» – так ее Регина прозвала – Карла имеет один большой недостаток, за все годы жизни в Москве она так и не удосужилась выучить нормально русский. Я с ней по-английски объяснялась. А уж как Регина выходила из положения – жестами, наверное. Мимикой.

– Вы не могли бы дать нам телефон вашей филиппинки? – попросила Катя. – Нам необходимо будет с ней побеседовать.

– Сегодня суббота, она как раз здесь, в Полосатове, у Маевичей, их хоромы новые вылизывает с утра. – Дама достала из заднего кармана дачных брюк мобильный, пролистала контакты. – Я Маевичам ее спроворила – сейчас так все передают надежную прислугу с рук на руки, рекомендуют.

Катя записала номер домработницы Карлы.

– Вы сказали, что видели вашу соседку по дороге на кладбище, – напомнил Гектор. – Там могила ее сына?

– Нет, он похоронен рядом с ее матерью на Кузьминском кладбище, в их семейной могиле. Хотя удивляюсь, как она добилась, чтобы его там похоронили, наверное, деньги заплатила, и немалые. – На лице дамы-соседки промелькнула некая очень сложная гримаса, Катя не поняла ее смысла в тот момент. – И у нас здесь нет никакого кладбища.

– Но вы же сами сказали...

– Это ее кладбище, Регины. – Соседка понизила голос. – Поляна в лесу. Она там хоронила всех своих питомцев.

– Питомцев?

– У нее постоянно умирала живность, которую она то и дело заводила в доме. Кошку она взяла из приюта и через пару недель похоронила в лесу, затем взяла в приюте кота. Сдох и он. Потом были еще птицы... Я как-то из чистого любопытства дошла по тропинке до поляны. Неприятное зрелище. Кладбище домашних животных. Они постоянно умирали в ее доме. – Дама-соседка помолчала. – Не знаю, как на кого, на меня это произвело гнетущее впечатление.

– А кого она хоронила в день вашей встречи? – спросил Гектор.

– Она несла в руках обувную коробку, перевязанную ленточкой. Сказала мне, что это ее попугай корелла. У нее были с собой лопатка садовая и секатор. Усмехнулась так криво – вот решила прогуляться... заодно и похоронить милого дружка. Она так назвала птицу. После инфаркта она ходила медленно, осторожничала.

Они поблагодарили соседку, покинули дачу. На лесной дороге Катя сразу вытащила мобильный и набрала номер домработницы Карлы.

Гудки... гудки... А затем шепелявый женский голос ответил:

- Hello?

- Я говорю с Карлой? - спросила Катя по-английски, сразу решив проявить настойчивость. - Я офицер полиции Петровская, назовите свою имя и фамилию.

- Карла Гуэрра, - прошелестели на том конце перепуганно.

- Карла Гуэрра, банк данных не выдает регистрационный номер вашего разрешения на работу в нашей стране, где именно и когда вам его выдавали?

На том конце Карла захлебнулась испуганным бормотанием. Катя поняла - она на верном пути, сейчас дождем иностранку-нелегалку.

- Вы не имеете разрешения на работу, тем не менее вы трудились в качестве экономки (Катя намеренно употребила английское слово housekeeper, а не homehelper - помощница по дому) на дачах у разных хозяев, в том числе у Регины Гришиной. За отсутствие регистрации и разрешения на трудовую деятельность вам грозит депортация из страны при отказе от сотрудничества с полицией. Вы поняли меня?

На том конце забулькали:

- Yes! Yes! Yes!

- Вы где сейчас находитесь? - строго продолжала допрос по-английски Катя.

Карла затруднилась ответить - мол, дома убираюсь у госпожи Веры... Polosatovo... Особняк у реки...

- Как вы туда добирались? На своей машине?

- Нет, нет, на автобусе – на шоссе остановка под названием «Пляж».

- Через час на этой остановке, – приказала Катя. – Если не появитесь, вам грозит арест за неповиновение требованию полиции и депортация.

В трубке пылко поклялись Святым причастием, что через час прибегут бегом на автобусную остановку.

Гектор наблюдал за переговорами.

- Шок и трепет. – Он усмехнулся. – Какие в вас, Катя, таланты скрыты. Мне самому прям захотелось встать по стойке «смирно». Английский у вас свободный. А мой с запинкой... Суровенько вы ее расплющили ментально. Подчинили разом.

- Я ее запугала. – Катя убрала мобильный в сумку. – Они бесправные здесь. Застряли многие из-за пандемии. Платят им гроши, а они боятся возразить. Это люди-тени, Гек. Мигранты. Но иначе ее никак не вытащить. А расспросить ее про хозяйку нам необходимо. Что-то мне кладбище домашних животных не понравилось совсем. Что бы это значило?

- Время у нас есть до встречи с домработницей, а вот и тропинка. – Гектор кивнул. – Айда глянем сами, что там и как – совсем по Кингу или по мотивам?

- Здесь пять тропинок. – Катя обзревала сумрачный от набежавших облаков подмосковный лес. – Как вы можете угадать, какая именно нам нужна?

- Я просто знаю. Рефлекс определения направления у меня профессиональный. – Он указал на тропинку, уводящую в самую чащу.

Они двинулись вперед – прочь от дач.

- Вы сказали – были то там, то здесь... Воевали. Это в Сирии? – спросила Катя.

- В Сирии.

- Я так и знала.

– Потом еще три недели на Кавказе. Почти пятизвездочный горный зимний курорт.

– Вы все шутите, Гек.

– А вот и полянка.

Странное зрелище открылось их взору. Среди густых кустов – вытоптанная плешь. Девять маленьких земляных могилочек-холмиков. Некоторые совсем крошечные. На каждой сгнившие, засохшие букетики садовых цветов. На некоторых бумажные расплывчатые фото с цветного принтера – вдавленные в землю, распадающиеся на части от влаги. Еле разберешь, кто изображен – кошка, попугай корелла, ящерица.

Гектор наклонился низко, разглядывая холмики и портреты покойных.

– Баба, кажется, была с приветом, – констатировал он.

Из рощи он вывел притихшую Катю кратчайшим путем – через пару минут они подошли к забору дачи Регины Гришиной. Возле ворот – два микроавтобуса подразделения биозащиты. На участке люди в пластиковых костюмах и шлемах. Двое потащили специальные бокс-носилки для перевозки трупа.

– Тут все небыстро, – заметил Гектор. – А мы с вами, Катя, уйдем на север и переждем, выбивая инфу из нелегалки.

И не успела она ахнуть, он приподнял ее легко и посадил, точнее, умыкнул, словно разбойник с большой дороги, в свой огромный черный сундук на колесах, даже не спросив, на какой машине она-то желает ехать – может, на своем «Смарте»!

И покатали – по хлипкому мостику через реку Липку.

Глава 6. Наблюдая исподтишка

– Домработница-филиппинка сейчас показатель определенного статуса хозяев, – заметил Гектор, сверяясь с навигатором. – У нас в Серебряном Бору они суперпопулярны как дешевая рабская сила. Престижный элемент, как личный винный погреб и бордоский дог в качестве сторожа хором.

Катя помолчала. Поместье в Серебряном Бору генерал-полковника Борщова, отца Гектора... Помнится, когда они втроем с их общим верным другом Вилли Ригелем, которого больше нет, приехали туда, там все оказалось совсем иначе, чем Катя себе представляла.

– Покойная Регина Гришина, как мы выяснили, была обеспеченной женщиной. И Полосатово – известное дачное место, знаковое, здесь строят и покупают недвижимость люди со средствами, – ответила она. – Конечно, это не ваш знаменитый Серебряный Бор, однако...

Гектор глянул на нее в зеркало и указал глазами: автобусная остановка и фигурантка – как постовой на часах при полковой казне.

Пигалица... Первое впечатление Кати о Карле Гуэрре было именно таким – тоненькая как былинка, маленькая, по возрасту чуть ли не школьница. Но вот домработница-филиппинка обернулась на сигнал их внедорожника, и... они увидели ее покрытое морщинами изможденное лицо. Возраст Карлы – неопределенный, в глазах – испуг и тревога.

– Катя, вы с ней сами по-английски, о'кей? – объявил Гектор. – Я скромненько послушаю. Где не врублюсь, вы мне потом переведете.

Кате потребовалось немало времени, чтобы сначала успокоить Карлу, до предела перепуганную перспективой депортации. Когда же она поняла, что ее хотят расспросить про ее хозяйку, она сразу затараторила как сорока, делая в своем английском чудовищные ошибки.

– Мадам Регина? Я у нее убиралась – да, раньше часто, а в последний год приходила раз в неделю. Правда, с перерывом долгим, когда сама болела и она меня к себе потом не пускала, карантин мне выдерживала. А что случилось?

– Ваша хозяйка умерла, – лаконично сообщила Катя. – Ее сегодня в саду мертвой нашли.

– Умерла? Значит, мне в среду к ней не ходить? Я потеряла работу? – Оливковое сморщенное личико Карлы снова выразило тревогу, печаль и досаду. – Как жаль ее. Она была доброй хозяйкой, хотя требовательной очень.

– Когда вы у нее убирались последний раз?

– В среду, как обычно.

– Вы ничего не заметили подозрительного?

– Она не кашляла, не выглядела больной.

– Я не вирус имею в виду – обстановку домашнюю. Может, кто-то ее навещал, приходил, звонил?

– Я плохо понимаю по-русски.

– Я не о том, что вы слышали, спрашиваю, а о том, кого и что вы видели. Так вашу хозяйку кто-то навещал?

– Приезжала ее барристер.

– Адвокат?

– Я не знаю, как это правильно называется. Нет, это, наверное, помощник или секретарь. Женщина. Она ей привезла какие-то бумаги. Приехала на своей машине, и с ней были дети.

– Дети?

– Ее дети-школьники, я так поняла. Мадам Регина сама накрыла чай в саду. Хотела, чтобы я это сделала, но я мыла туалет, и она только заглянула и махнула рукой – работай. – Карла облизнула тонкие губы. – Я на коленках там

ползала. А они пили в саду чай с детьми. Недолго. Через час ее барристер уехала. Дети так шумели, что у мадам Регины заболела голова. Она искала в вазе на кухне свои таблетки.

- Сколько времени вы работали у нее?

- Четыре года.

- Вы знали ее покойного сына?

- Я его видела. - Карла кивнула. - Молодой, очень красивый, вежливый. Он за город крайне редко приезжал. Он жил на Старом Арбате в другом ее доме. Мадам Регина хотела, чтобы я и там тоже убиралась время от времени.

- Где это на Старом Арбате? Адрес?

- Надо в переулок. Я не знаю русский адрес. Надо свернуть в переулок с Арбата за памятником. Большой голубой дом. Особняк. Но я там была всего один раз два года назад. Невеста сына хозяйки сказала, чтобы я больше к ним не ходила, что они не нуждаются в моих услугах. Выгнала меня.

- Выгнала вас? За что?

- Она по-английски кричала, что я подлая шпионка... что мадам Регина меня послала следить за ними.

- А хозяйка действительно просила вас шпионить за сыном и его невестой? - удивилась Катя.

- Нет, что вы. Мадам Регина совсем не знала английского, мы объяснялись с ней с трудом, хотя насчет уборки я все понимала и делала, как она хотела и показывала. А рассказать ей что-то о том доме на Арбате и ее сыне, о них, молодых, я бы все равно не сумела. Хозяйка меня бы не поняла, даже с переводчиком google. - Карла вымученно улыбнулась. - Я не шпион.

- Значит, сюда, на дачу, сын вашей хозяйки приезжал редко, а его невеста?

– При мне – никогда. А потом сын хозяйки ушел в мир иной. А она сильно заболела надолго. Она лежала в больнице. Была очень слабая.

– Кто ее забирал из больницы? Вы?

– Нет, я думаю, кто-то из ее кузин. – Карла помолчала. – Они сюда приезжали – всегда порознь, никогда вместе.

– И ваша хозяйка их тоже поила чаем в саду?

– Утром она сама завтракала там, пока солнце еще не пекло. Я в доме пылесосила, всю мебель сдвинула, кухню мыла, поэтому она ушла в сад. Она часто в жару сидела в тени деревьев у воды, мобильный листала, медитировала. Потом, когда кузина уехала, а я переодевалась, чтобы вернуться в Москву, закончив работу, мадам Регина указала мне на телевизор – шла передача о животных. Гиены и стервятники кого-то пожирали... Падальщики терзали чей-то труп... Она указала мне на них. Я поняла, что... это относится к ее родственникам.

Падальщики... Гиены и стервятники...

Катя вспомнила, как соседка говорила им о том, что Регина Гришина назвала окружавших ее людей шакалами...

Что же стало причиной ее смерти, так напугавшей свидетеля и столь встревожившей опытного эксперта-криминалиста?

Гектор кашлянул за ее спиной. Она оглянулась – он поднял брови: *sos*, не врубаюсь, что к чему. Катя быстро перевела ему все дословно.

– Кто-то еще ее навещал при вас? – спросила она Карлу.

– Нет, больше никто.

– А у вас с хозяйкой возникали конфликты?

– Нет. Я очень старалась. Она мне платила аккуратно и порой даже давала сверх – бонус. Я очень дорожила этим местом. Пусть и дом большой, и работы много, но стабильность и доход. А теперь я его лишилась.

– У вашей хозяйки имелись домашние питомцы, и они часто умирали, как мы выяснили. А почему? Вам что-то об этом известно?

Карла пожала плечами. Выражение ее лица внезапно изменилось.

– Они погибали. Не приживались. Мне ничего не известно. Приезжаю к ней – у нее новая птица в клетке. А в следующий раз ее уже нет. Сдохла. Потом приезжаю – еще одна, новый попугай. В среду, когда я была у нее, она...

– Что, Карла? Что произошло в среду?

– Она за ноутбуком искала по сайтам, как купить себе ворона.

– Но вы же не читаете по-русски.

– Я думала, она работает за ноутбуком. Когда работает, там всегда таблицы, графики, биржа. А заглянула ей через плечо – на экране картинки. Птицы на продажу. Она хотела купить себе ворона.

Пауза.

Гектор снова кашлянул. И Катя опять ему перевела все дословно. Он поднял брови.

– То, что животные погибали... – Карла подбирала в своем ученическом английском слова осторожно, словно взвешивая. – Может, дом влиял так на них.

– Как это понимать – дом влиял? – спросила Катя.

– Обстановка. Аура.

– Если вы, Карла, намекаете на привидения, то вы не правы, коттедж новый, ему не больше десяти лет, современный. Вряд ли он успел стать пристанищем для злых духов.

– Разве вы не видели, что внутри? – спросила Карла. – Как вы могли этого не заметить?

– Мы пока не заходили внутрь. А что там такое?

– Все эти фотографии... – Карла помолчала. – Я старалась на них особо не смотреть. Потому что... я не знаю, у меня становилось как-то беспокойно на душе сразу.

– А что не так с фотографиями? Объясните.

– Вы их сами увидите в доме. Я не могу словами выразить. Сказала бы на родном языке. Но вы не поймете. Они там все на фото так смотрят... Когда мне надо было протирать на них пыль, я просто брала рамки и укладывала их изображением вниз. А мадам Регина потом расставляла фотографии сама. И еще вот что...

– Что?

– Когда я приходила, она всегда запирала маленький гардероб на ключ. Шкаф в ее спальне. Я убиралась всегда везде, во всем доме, но ни разу она мне не позволила вытереть там пыль или пропылесосить пол.

– Она как-то объясняла вам, почему она запирает маленький гардероб?

– Нет. Она делала вид, что все как обычно.

– А вы как себе это объясняли?

– Там хранилось нечто, что она прятала, скрывала. В том числе и от меня.

– Может, там у нее стоял сейф?

– Сейф у нее за телевизором – панель на стене на кронштейнах открывается, и внутри ниша и сейф, – тоном бывалой домработницы ответила Карла. – Нет, в гардеробе она скрывала что-то другое. Не предназначенное для посторонних глаз.

– Удольфские тайны, серия первая, – хмыкнул Гектор, когда они, надавав полицейских ЦУ Карле насчет обязательной регистрации, ехали по шоссе назад к мосту. – Вы, Катя, по-английски говорите, как на родном. Я прям превратился в одно большое чуткое ухо, чтобы не ударить в грязь лицом, как необразованный неуч. Наша покойница полна загадок. Жаль, если сейчас, как приедем, окажется, что ее шарахнул второй инфаркт, а кровяшка оттого, что она упала и ударилась затылком о камень.

– Она лежит на лужайке, на мягкой канадской траве, – заметила Катя. – Может, правда, декоративные валуны в траве разбросаны, мы же не видели с вами издали.

– Дела делами, а надо подкрепиться, солнце еще высоко, работы невпроворот. – Гектор внезапно затормозил у придорожного автокафе, торговавшего возле автозаправки.

Катя не успела его остановить. Он вернулся через минуту со стаканами кофе.

– Мятного капучино здесь нет. – Он смотрел на Катю. – Вам просто двойной капучино, мне двойной черный без сахара. И сейчас плюшек накуплю. И горшочек с медом. Вам плюшку с корицей?

– Гек, спасибо, но я... – Катя не брала картонный стаканчик кофе. – Я не ем ничего такого, я имею в виду – я не покупаю сейчас уличную еду. Я не могу...

– Вас понял. – Гектор поставил свой стакан с кофе на приборную панель, вернулся к автокафе.

Нарисовался уже с картонными стаканами.

– Они у них стопкой, я сам взял два для вас, своей рукой. Защитная оболочка, которую трогал только я.

Катя, покраснев, забрала у него капучино. Горячий, ароматный...

– Так, надо как-то решать вопрос с фобиями насчет уличной еды. – Гектор отхлебнул свой черный кофе. – А то ослабеем.

– Вы не ослабеете. Кто бы говорил, – хмыкнула Катя, протирая руки антисептической салфеткой. – У меня в машине бутылки с минеральной водой. И потом... вот что у меня есть! – она торжественно извлекла из сумки зеленую большую грушу, твердую как камень. – Попролам – подкрепиться вместо вашего горшочка с медом. Ох, только у меня ножа нет разрезать!

– И я финку десантную не захватил, как на грех. – Гектор забрал у нее грушу. – Столько сразу мелких бытовых каверз выплывает. Прямо голова кругом.

Он провел по середине твердой зеленой груши указательным пальцем, словно чертя линию. А затем быстрым сильным движением разломил плод пополам.

– Сладкая, – констатировал он, укусив грушу хищно.

У дома Регины Гришиной, куда они подрулили спустя пять минут, уже не маячили тревожно микроавтобусы службы биозащиты. Зато стояла патрульная машина Полосатовского ОВД. Из нее выбрался кудрявый, как купидон, толстый приземистый парень в полицейских брюках и камуфляжной омовской майке.

Катя узнала начальника ОВД капитана Арсения Блистанова. Он наконец-то появился на месте происшествия.

Глава 7. Чаепитие в саду

С капитаном Арсением Блистановым Катя познакомилась в бытность его работы в управлении «К» – компьютерных технологий и противодействия киберпреступности, где он возглавил отдел интеллектуальной обработки информации. В управлении Блистанова именовали Человек-отдел, потому что он вез на себе титанический груз работы в сложных для полиции вопросах. Но на «земле» в полицейских кругах капитана звали не иначе как мать моя

начальница – после того как он в свои двадцать шесть лет, получив капитана досрочно, был переведен на «подполковничью» должность начальника ОВД муниципального образования Полосатово – крошечного территориального подразделения, самостоятельного и независимого от соседствующих с ним Одинцова и Сколкова. Перевод состоялся, если верить полицейским сплетням, благодаря властной руке матери капитана Блистанова Раисы Максимовны Козловой, генерал-майора, всесильной начальницы Департамента по материально-техническому и медицинскому обеспечению, которой, говорят, сам министр порой в ноги кланялся, выступая в роли смиренного просителя.

Мать свою, начальницу, капитан Арсений Блистанов постоянно поминал всеу. Внешне двадцатилетний капитан – толстый, кудрявый, веснушчатый и рыжий – напоминал Кате Вождя Краснокожих из старого фильма. Более того – в свои десять лет он снялся в пяти сериях журнала «Ералаш», играя там колоритного Плохиша-двоечника, смеша до слез и умиля публику. Но приказом матери кинокарьера юного таланта была пресечена еще в детстве, и он не пошел по стопам своего родного отца – актера, происходившего из семьи корифея Малого театра, знаменитого трагика Хрисанфа Блистанова, бюстом которого могут и сейчас любоваться зрители в фойе театра.

О родителях своих Блистанов рассказал Кате в первый момент знакомства шепотом на нудном совещании, где грозно требовали отключить смартфоны. Когда они вместе отправились в министерский буфет пить кофе, он досказал ей в подробностях «печальную повесть о капитане Джульетте из ментовки и актере Ромео – наркомане, плотно сидевшем на героине, о маме и папе, чей страстный роман так и не закончился браком».

«Зато появился на свет я», – подвел итог Арсений Блистанов. И с тех пор они с Катей подружились, потому что она впечатлилась любовной драмой и расчувствовалась до слез. В полицейской среде каких только семейных историй не услышишь!

Глядя на приятеля, Катя подумала – как, интересно, сейчас Шлемоблещущий Гектор начнет строить по струнке капитана Блистанова – этого раздолбая и умницу, которого и бейджем Совбеза не проймешь, а только раззадоришь пререкаться и ерничать. Однако все дальнейшее снова поразило ее несказанно.

– О, какие люди к нам на огонек. Гектор Игоревич! Полковник, вы ли это? – воскликнул капитан Арсений Блистанов, всплеснув пухлыми руками.

– Здравствуй, Сеня. Как это тебя угораздило в славном Полосатово начальником воцариться?

Они стукнули друг другу кулак о кулак – Блистанов со всей ему отпущенной природой силой, а Гектор весьма осторожно, почти бережно. И Катя поняла – эти двое давно знакомы. Тесен мир!

– Я здесь в бессрочной ссылке, – пожаловался капитан Арсений Блистанов, светло улыбаясь Кате. – Екатерина, приветствую вас от всего сердца! А насчет должности – мать моя начальница сослала меня в эту дачную дыру. Мол, некому работать на земле стало, сын. Времена тяжелые, пандемия косит личный состав, кадровый голод, а ей коллеги глаза колют – мол, ваш сын блатной в управлении «К» компьютерные ребусы на удаленке решает – программист, блин, хренов. Меня в Полосатово мать засунула – начальником. Все меня ненавидят, Гектор Игоревич. И тут я в блатных у них числюсь, во как! Да идите сюда все в Полосатово, берите должность мою, отдам не глядя! Садитесь, рулите, возглавляйте! Я трое суток без сна и отдыха пашу, дежурил по отделу, потому что оба зама мои на госпитальной койке, две трети личного состава больны. Домой после дежурств рванул поспать – так нет, трах-тибидох! Снова выдернули. Баба какая-то коньки откинула! Ну земля ей пухом. Идите – начальствуйте, раскрывайте, расследуйте. Что-то нет охотников. Одни сплетни и кляузы.

– Сеня, не ори. Тут все свои. Мы тебя понимаем, – оборвал его Гектор. – В душе мы с тобой. Видишь, коллега из пресс-службы помогать тебе приехала бескорыстно. Ну и я тоже.

– А вы, Гектор Игоревич, как здесь? Служба государева? – Блистанов прищурился ехидно – глазки-щелочки потонули в его толстых щеках. – Вы же, как я слышал, контору свою послали далеко. И шумное было ваше прощание с Лубянкой – окна повывлетали, и не только они, как судачили мои френды в даркнете, но и еще кое-кто.

Гектор показал ему свой бейдж. Блистанов его внимательно изучил.

– Ничего себе... Полковник Гектор Борщов. Единственный и неповторимый. И уже не фээсбэшник, а «советник-референт, консультант Совбеза по вопросам тактики и специальных узкопрофильных операций», – он старательно прочел

название должности Гектора на бейдже. – Да, мощно, Гектор Игоревич. Но в Полосатове-то вы как оказались? Зачем?!

– Затем. Ты ведь знаешь – я не поощряю избыточного любопытства. – Гектор убрал бейдж в карман черного пиджака. – Тебе и пушку еще показать с глушителем, Сенечка? Чтобы пресечь все вопросы на корню – поясняю. Я консультирую больших шишек как референт время от времени. Сейчас я после госпиталя и официально пока на реабилитации. К коллеге из пресс-службы я нанялся в качестве ее личного советника и телохранителя. Короче... ты понял, Сеня?

– Да. – Блистанов глянул на Гектора, потом на Катю, совсем расплылся в улыбке. – Ясненько все. О йессс!

– Коллега из пресс-службы собирает материал о том, что здесь случилось. Тебе я, Сеня, если хочешь, тоже помогу разобраться. Потому что ты с твоими познаниями в уголовном праве, криминалистике и особенно в азах розыскной работы – сущее дитя, несмотря на свой айтишный гений. Можешь принять мою помощь или отказаться. На ситуацию это не повлияет.

– Да уж конечно. Вы как танк к своей цели прете всегда. Я принимаю ваше щедрое предложение, Гектор Игоревич. – Блистанов вздохнул. – А что мне остается? Я вообще не учился, как чего-то расследовать, раскрывать. Я и детективы ненавижу. Бред какой-то пишут. Я программист, а в детективах пещерная логика. Все предсказуемо.

Катя поняла – с тандемом Шлемоблещущий Гектор и Мать Моя Начальница-Блистанов им предстоит то еще расследование! Если, конечно, есть что расследовать в этом деле, которое пока зацепило их лишь краем, как хвост темной кометы, скрывающейся где-то от глаз далеко в тени мрачного неизведанного космоса. Но она была рада, что Гектор... Гек – снова прежний, такой, каким они с покойным Вилли Ригелем встретили и узнали его в Староказарменске...[2 - История знакомства Кати и Гектора рассказана в романе Т. Степановой «Последняя истина, последняя страсть».] Ради этого одного стоило довести и новое дело в Полосатове до конца.

– Арсений, что сказали вам специалисты из отдела биозащиты? – Она постаралась направить беседу в профессиональное русло. – Что они

обнаружили?

– Мне начальник позвонил, когда я сюда ехал из дома, и объявил – уровень эпидемиологической опасности нулевой. Однако труп они забрали на вскрытие и сделали забор анализов. Уже отличная новость – быстро вскроют покойницу, а то сейчас неделями ждать надо, морги все забиты до предела. Насчет остального я ничего не понял, если честно. Сейчас криминалиста расспросим вместе с вами.

Они вошли в ворота, патрульные их на этот раз сразу пропустили на участок. На месте происшествия работали тот самый эксперт и его молодой помощник. Вот и вся полосатовская опергруппа. Новые времена настали...

Катя с невольной опаской приблизилась к накрытому рваной бумажной скатертью столу. Тела уже не было. Но она сразу заметила пятно бурой засохшей крови на траве. Вокруг стола и на скатерти среди сгнивших объедков и птичьего помета валялись вороны трупы.

Из посуды на столе Катя увидела чайник, чашку с блюдцем, десертную тарелку с остатками, блюдо – там был, видно, пирог или торт, но птицы размесили, раскрошили все и обгадили. Еще на столе валялась винная бутылка – вороны ее опрокинули, и вино вытекло на скатерть, бокал, вазочка – на дне две сиротливые оливки – и сервировочное блюдо. Какое угощение подавали на нем, невозможно было понять – все раскрошено и расклевано.

– Все указывает на то, что потерпевшая находилась в саду одна, – констатировал эксперт. – Сервировку вы сами видите. Про запертые изнутри ворота и калитку я вам уже говорил. А потом что-то случилось.

– Это точно была Регина Гришина, хозяйка дома? – спросил Гектор Борщов. – Ее ведь опознать трудно.

– Я нашел в доме ее паспорт, потом там ее фотографии – хоть птицы ей лицо расклевали, опознать можно. Это Гришина, – кивнул эксперт. – На момент смерти рядом с ней никого не было. Сами видите – чашка, столовый прибор, бокал – все на одну персону.

– Кресел садовых три. – Гектор оглядывал лужайку. – Подушки валяются далеко в озерце декоративном. Мокрые от воды. Они не могли отлететь на такое

расстояние, когда кресла опрокинулись. А в каком положении нашли тело?

Эксперт показал им фотографии на мобильном.

В первый миг перед взором Кати предстало кровавое месиво, в котором на фото она могла разобрать лишь отдельные пугающие детали – спутанные крашенные светлые волосы с седыми корнями, голые пятки. Рука, повернутая вверх ладонью с кровавыми ранами. Лицо... Катя заставила себя смотреть в лицо мертвой Регины Гришиной, которой хищное воронье выклевало глаза.

Тронутый разложением труп покрывала корка засохшей крови.

– Наличие вируса или каких-то опасных патогенов специалисты на месте не обнаружили. Правда, предстоит еще лабораторное исследование, – доложил эксперт. – Но у покойной была долгая мучительная агония. Она могла сама опрокинуть мебель и забросить подушки в прудик, думаю, она так пыталась внимание привлечь.

– Чье внимание? – спросил Гектор Борщов. – Если никого с ней не было на момент смерти? А кругом глухой забор и все заперто изнутри?

Он достал из кармана резиновые перчатки, протянул их Кате и надел сам. Сколупнул что-то со скатерти, начал рассматривать.

– То, что мы видим, – мертвые птицы... похоже на отраву. – Он наклонился над птичьим трупиком.

– Отраву?

– Использование инсектицида или же... какого-то препарата из категории родентицидов. Когда поля против вредителей обрабатывают с самолета, часто потом в округе валяются дохлые птицы в таком виде, наклевавшись отравленных жуков. Что-то типа бродифакума. Это сельскохозяйственный яд.

Катя слушала внимательно, включила диктофон в сумке. Таких названий не запомнишь. Капитан Блистанов сопел, разглядывая фотографии окровавленного трупа.

– Жуть какая. – Он поежился. – Слава богу, увезли это с глаз долой. И в прозекторскую доступ сейчас запрещен. Миновала меня чаша сия – быть на ее вскрытии. А вы, Гектор Игоревич, как тот яд назвали?

– Бродифакум. Он действует по принципу антикоагулянта, вызывает внутреннее кровотечение при отравлении и одновременно препятствует свертыванию крови. – Гектор снова внимательно оглядывал сервировку стола. – Его можно легко приобрести для избавления от грызунов или кротов на участке. Он продается в хозяйственных магазинах. Однако чтобы на человека он возымел такой страшный эффект, нужна очень высокая концентрация. В чайнике, – он поднял фарфоровую крышку, – на донышке остатки чая и заварки. Возьмите все на экспертизу – всю посуду, скатерть и пищевые остатки.

– Несколько ворон спецы биозащиты забрали, – сообщил эксперт. – Но я тоже парочку возьму для исследования.

– Как мы успели узнать у свидетелей, Регина Гришина потеряла единственного сына полтора года назад. И впала в глубокую депрессию. Она тяжело болела, – сообщила Катя. – Не захотела ли она таким способом сама свести счеты с жизнью? Отравилась?

– Самоубийство? – Капитан Арсений Блистанов сразу воспрянул духом. – Вот и чудненько. С плеч долой сразу все разом. Отказной материал в возбуждении.

– Сеня, что ты несешь? – оборвал его Гектор сухо. – Не забывай, кто ты и где. И чем занят.

– Вы меня всегда и раньше воспитывали, Гектор Игоревич. Да, это я сболтнул глупость. – Блистанов тряхнул подстриженными кудрями. – Я каждое утро твержу себе, просыпаясь: Сеня, ты начальник Полосатовского отдела полиции, ты мент, Сеня, должностное лицо. А не абы где!

– Давайте взглянем на ее дом, – предложил Гектор Борщов, и они направились к выкрашенному охрой коттеджу, дверь которого была гостеприимно распахнута.

На выложенном плиткой полу открытой веранды – солнечные пятна.

Глава 8. Фотографии

В доме покойной Регины Гришиной, о которой они пока не знали ничего – ни как она умерла, ни как жила, Катю (возможно, здесь сыграли роль слова домработницы Карлы) действительно несказанно поразило обилие фотографий в рамках, расставленных везде, во всех комнатах. И еще портрет.

Дом оказался просторным, светлым, обставленным и декорированным с большим вкусом – с камином в холле-гостиной, дорогой итальянской мебелью, большой стильной кухней, застекленной террасой и комнатами наверху – спальней хозяйки, ее ванной, кабинетом и вместительной гардеробной с зеркалами.

Фотографии не гармонировали с модной современной обстановкой, старые выцветшие снимки теснились на консоли в гостиной, на камине, на комод в спальне хозяйки и в коридоре на втором этаже, на рабочем столе в кабинете.

На них были изображены две женщины, непохожие друг на друга внешне, но обе в цирковой одежде. Часть фотографий, как определила Катя, относилась к началу прошлого века – примерно к десятым-двадцатым годам. На них была запечатлена женщина средних лет, на более поздних ей можно было дать уже все шестьдесят. Она снималась то в профиль, то смотрела прямо – породистое лицо, волевой подбородок, пышная прическа с локонами. Обсыпанное блестками цирковое платье в пол, на голове тиара с черным и белым пером по моде двадцатых. На других снимках – ранних, относящихся к десятым годам, – женщина сидела, снявшись на фоне то ли циркового занавеса, то ли бархатных штор – в тиаре и парчовом платье. На подставке рядом с ней – раскрытая книга и череп. Катя подумала, разглядывая снимок, что незнакомка напоминает ей сивиллу со знаменитой картины. На других фотографиях женщина снималась с цирковыми воронами на плечах, в костюме одалиски. Она улыбалась и смотрела так пристально и зорко, словно хотела что-то поведать – через время и расстояние. На фото двадцатых годов она, уже пожилая, сильно накрашенная, запечатлена в черном сатиновом клоунском цирковом трико. Она сидела на... электрическом стуле, пристегнутая к нему широкими ремнями за руки и за ноги.

Она смотрела прямо перед собой и торжествующе улыбалась.

Среди фотографий, расположенных на каминной полке, имелись и другие – не менее поразительного вида. Катя некоторые взяла даже в руки, чтобы детально рассмотреть. Юная девушка в белом платье и прозрачной свадебной фате. И надпись внизу по-английски: The Phantom Bride [3 - Призрак невесты (англ.)]. На другом снимке именно она парила в воздухе в горизонтальном положении, повернувшись к зрителю и опираясь локтем на длинную трубу – словно ангел Страшного суда на фресках. Призрак невесты поднялся над ареной примерно на полтора метра. Однако все это, конечно же, было фотографическим фокусом, результатом специальной обработки пленки. Так в тот момент решила Катя.

Еще имелся выцветший снимок цирковой афиши, раскрашенный в стиле «техноколор». Женщина, одетая одалиской, с ятаганом в руке. Катя смутно признала в ней ту самую даму с фотографий, хотя сходство было относительное. Рядом – обезглавленное женское тело с протянутыми в мольбе руками. Отрубленная голова на пьедестале улыбалась змеиной торжествующей улыбкой. И скелет, парящий в небесах, цепко вцепившийся мертвыми костяшками пальцев в лавровый венок. Надпись по-английски: «Аделаида Херманн. Великая магия».

На совсем уже затертом выцветшем снимке, испещренном трещинами, заключенном в овальную дубовую тяжелую рамку, был запечатлен цирковой укротитель на пустом манеже во время репетиции – в венгерке и сапогах, в окружении тринадцати львов и львиц, которые восседали на тумбах и высоких подставках за его спиной. Три льва лежали у его ног. На гриву самого большого льва укротитель поставил ногу в лаковом сапоге.

Однако все это составляло лишь часть обширной коллекции в доме Регины Гришиной. Еще более странная партия фотографий уже примерно тридцатых – пятидесятих годов представляла совсем другую женщину – яркую брюнетку с бледным напудренным лицом и накрашенными губами. На снимках, где ей можно было дать лет тридцать, она позировала тоже в костюме цирковой одалиски с воронами, сидящими на ее плечах и голове. На более поздних фотографиях она – уже постаревшая и обрюзгшая – стояла перед камерой как в цирковых костюмах, усыпанных блестками, так и в шелковых платьях с плечами. На двух снимках фотограф запечатлел какой-то цирковой номер – постаревшая брюнетка, облаченная в костюм одалиски, правда, закрытый, в окружении помощниц и рабочих в униформе на манеже рядом с огромной вазой, полной воды. На другом снимке – целая группа людей, некий цирковой коллектив, окружающий брюнетку, превратившуюся из зрелой дамы в старуху с сильно

напудренным лицом в парике цвета воронова крыла. Женщины и мужчины в цирковых трико и в обычной одежде – костюмах и платьях. На первом плане этого фото были дети – две девочки, постарше и помладше, и темноволосый маленький мальчик. У него, как и у брюнетки, на руке сидел цирковой ворон.

Два фото у кровати заставили Катю снова пристально и с какой-то даже неясной пока тревогой вглядываться в них. Фотография 1925 года (цифры намалевали на снимке в нижнем углу белой краской) изображала еще один странный цирковой коллектив – на фоне черных полотен где-то в парке с античными статуями снялись молодые люди – артистки в костюмах коломбин и волшебниц вокруг красивого молодого мужчины во фраке, сидящего в кресле. Он держал за кончики пальцев вставшую на цыпочки в балетной позе хрупкую брюнетку с атласной челкой, облаченную в костюм черного Пьеро. Артисты-мужчины, затянутые в черные трико, изображали символы смерти – скелеты.

Другой снимок оказался фотографией гравюры странного вида. Совершенно обнаженная женщина, закрывшая лицо веером из черных страусовых перьев. А у ее ног – крупная ящерица – то ли варан, то ли вообще что-то фантазмагорическое, вставшая на задние лапы и держащая в пасти конверт, запечатанный сургучом.

Катя, разглядывая фото, подумала, что она никогда бы не стала держать такие вещи у себя на прикроватной тумбочке, особенно ночью, когда в спальне гаснет свет...

Она внимательно осмотрела спальню – домработница Карла говорила про маленький гардероб, который Регина Гришина постоянно при ней закрывала на ключ.

Белые дверцы в нише спальни. Катя коснулась ручки, отчего-то радуясь, что на ней сейчас резиновые перчатки.

– Ключ-ю-юч! – захрипел над Катиным ухом загробный голос. Едва не подпрыгнув к потолку, она обернулась.

Гектор – он вошел в спальню бесшумно. Стоял за ее спиной.

– Гек! У меня сердце... не смей ко мне подкрадываться в этом чертовом доме! Вы видели фотографии? Не соврала домработница – от некоторых прямо в дрожь бросает.

– Я вас потерял, Катя, я скучал. – Он сразу состроил гримасу – надулся (Гектор тот еще лицедей!), и голос его, столь изменчивый, то высокий, то низкий, обидчиво по-детски дрогнул. – Мы с экспертом и Сеней на кухне судачили, а вы откололись от компании, наверху затаились. Фотки я видел. Чудесатые они. – Он взял с тумбы групповой снимок 1925 года. – Здесь изображена та же артистка, что и на других цирковых фотографиях из серии – сове-е-етский ци-и-ирк нуждается в слона-а-ах, – пропел он на мотив циркового марша. – Дамочка в костюме черного Пьеро, а на других снимках она уже старушка в парике и гриме.

– Есть фото еще одной цирковой артистки.

– Да, прям какой-то домашний цирковой музей наша покойница у себя собрала. – Гектор протянул руку в резиновой перчатке и легко открыл маленький гардероб в нише. Он не был заперт.

На двух верхних полках Катя увидела дорогие сумки – Луи Вюитон, Шанель, Прада. Средняя и нижние полки пустовали.

– Жадная покойница запирала шкафчик от домработницы, боясь, что та стибрит у нее ее парадный it bag, – хмыкнул Гектор.

Внезапно он наклонился и поднял что-то с пола гардероба.

– А это что еще за дрянь?

На его ладони лежало нечто бурое и сухое, чешуйчатое, свернутое в комок. Гектор осторожно пальцем расправил находку.

– Похоже на змеиную кожу, – сказала Катя.

– Да, выползок. Вот хвост... а тут, пардон, лапки. Это кожа ящерицы.

Катя внезапно ощутила приступ тошноты. Глянула на снимок на прикроватной тумбочке, где голая женщина с веером и ящерица-варан.

– Скажите эксперту, пусть возьмет на исследование. И я попрошу Блистанова, чтобы он изъясил все фотографии.

– Зачем изымать старье? – Гектор пожал широкими плечами. – Снимков самой хозяйки дома только три, и все они в гостиной на каминной полке. Вы их видели?

– Наверное. У меня все уже перепуталось, – призналась Катя. – Здесь их столько... Покажите мне снимки Гришиной. А остальные я хочу забрать, потому что...

Она запнулась. Странное какое чувство.

Как там Карла говорила? Дом влияет... Нет, не дом, а те, что на снимках, которые смотрят...

– Почему? – спросил Гектор.

– Я попытаюсь узнать, кто на них изображен.

Они спустились в холл – гостиную, по которой рассеянно бродил капитан Блистанов, следуя за экспертом и его помощником по пятам. Гектор отдал кожу ящерицы эксперту, тот положил ее в пакет, повертел-повертел, сунул равнодушно к другим изъятым образцам.

Гектор показал Кате фотографии Регины Гришиной. На двух она была в черном деловом брючном костюме – где-то в Сити и в дорогом пальто на фоне сталинской высотки. Жилистая худощавая женщина неопределенного возраста с резкими чертами лица и светлыми крашеными волосами. На ногах лоферы от Прада. В руках сумка Эрме. Минимум косметики на лице и стрижка каре.

Но третий снимок снова поразил Катю – Регина Гришина была запечатлена... в костюме одалиски: шелковые шальвары, бабуши на ногах, шелковый открытый лиф, стягивающий обвисшую грудь. На голове тиара с черным пером и вуаль. Дряблое тело. Голый живот. На плече Регины сидел попугай. Снимок был

отличный, постановочный, из тех, которые делают в фотосалонах в рамках «костюмной» сессии за очень большие деньги, где клиент сам выбирает, в каком образе хочет предстать.

Но самое тревожное, если не сказать зловещее чувство в этом доме исходило от портрета.

Он висел в гостиной. Именно к нему было развернуто тяжелое мягкое кресло – спиной к огромному телевизору.

Портрет изображал молодого человека, сидевшего на стуле на фоне спокойного голубого моря. Парень лет двадцати со светлыми волосами, абсолютно обнаженный, освещенный закатным солнцем. Правая рука на колене. Левая согнута и приподнята – на ней сидит черная птица, ворон. И они пристально смотрят друг на друга.

Катя подошла очень близко к картине – это не живопись, это фотография, покрытая текстурным лаком.

На кухне загремели.

Завороженная Катя с трудом оторвалась от созерцания портрета. Вышла из гостиной.

На кухне распахнуты все шкафы – верхние и нижние. Гектор и эксперт что-то обсуждают. Капитан Арсений Блистанов слушает их, как мальчишка взрослых.

– Мы посудой занялись, – объявил Гектор вошедшей на кухню Кате. – Тарелки у нее все разные. А вот чашки и чайник – от сервиза. Катя, скажите, сколько обычно в чайном сервизе чашек и блюдец?

– Шесть. – Катя все еще была под впечатлением от увиденного «вернисажа».

– А здесь четыре. – Гектор указал на полку. – И пятая такая же чашка на столе в саду. И там еще ложка десертная позолоченная. Здесь в ящике тоже подобные ей. Сколько ложек бывает в наборе?

– Обычно шесть. – Катя подошла и заглянула в ящик.

– А здесь опять всего четыре.

– В наборах может быть и четыре, и пять.

– А сколько в наборах обычно бокалов для вина? – задал Гектор новый вопрос. – Один из зеленого стекла на садовом столе. И здесь таких четыре штуки. Всего пять. Но их ведь шесть должно быть.

– Гек, сейчас покупают поштучно кому сколько надо, можно купить шесть, а можно пять.

– Гектор Игоревич, я не понимаю, к чему вы клоните, – взмолился капитан Блистанов.

– Мы пока все детально осматриваем, Сеня. С выводами не торопимся. Сейчас глянем ее сейф. – Гектор вернулся в гостиную, отодвинул панель телевизора на кронштейне. За ней, как и говорила домработница, в нише прятался домашний сейф.

– Не вскрыт, не взломан, целехонек, – констатировал эксперт. – Да и нам его с вами сейчас не открыть. Сенсорно-электронный с кодом. Надо его выпилить из стенки – этим экспертно-технический отдел займется. И вскрывать уже в лаборатории.

– Обойдемся без техников. – Гектор подошел к сейфу, коснулся панели – система сразу потребовала код.

– Сеня, ты покойницу по сайту госуслуги пробил?

Блистанов покорно кивнул.

– Назови мне дату ее рождения.

Капитан Блистанов глянул в мобильный и назвал.

Гектор ввел цифры. Замигало, запищало.

- Облом, Гектор Игоревич. - Блистанов сразу оживился. - Мимо.

- Еще что ты про нее узнал, пробив?

- Номер ее ИНН – он километровый. Потом адрес ее дома на Арбате и... все пока. Не откроете вы ларчик с секретом, спорим?

- Спорим, открою? – Гектор глянул на Катю. – Не такое вскрывал.

Он подошел к портрету и снял его со стены.

На обороте Катя увидела цифры – как пишут на надгробьях: дата рождения и дата смерти.

- Голый Антиной – это ее покойный сын, – объявил Гектор. – Мне сразу в глаза их сходство родственное бросилось. Дата его рождения...

Он вернулся к сейфу и ввел цифры даты. И опять все замигало, запищало.

- Мимо! – воскликнул Блистанов. – Дату смерти введите, попробуйте.

- Нет. Такие коды порой требуют не только цифры, но и буквы. – Гектор набрал код гораздо более длинный, чем предыдущие.

И... щелкнуло! Дверь сейфа автоматически открылась.

Внутри они увидели пачки денег в рублях и валюте и много ювелирных коробок. Регина Гришина часть нажитого капитала хранила дома.

- Гек, а какой код вы сейчас ввели? – с любопытством спросила Катя.

- При покупке такого сейфа фирма предлагает свой, но его обычно клиенты запомнить не в силах. Когда система требует двенадцать знаков, вообще невозможно запомнить что-то не «родное», а записывать ненадежно, всегда

можно потерять. В мобильных такие вещи тоже не хранят, понятно. Все держат в уме. И шифр должен быть такой, какой забыть просто невозможно. Это обычно дата рождения – собственного или детей. А буквы – имя свое или опять же кого-то близкого.

– Но мы не знаем имени ее сына.

– Я ввел дату его рождения, а буквы имени самой хозяйки. И угадал с кодом. Это ее маленькие хитрости – два в одном, микс. Несложно, для дилетантов.

– Потому вы и в покер никогда не проигрываете, Гектор Игоревич, а только ставки взвинчиваете, – резюмировал Блистанов. – Другой бы с вашим риском давно бы все фамильное достояние генеральское спустил, а вы приумножаете.

– Не хвали меня, Сеня, зазнаюсь. – Гектор глянул на деньги и драгоценности Регины Гришиной. – Опись надо составить. Звони в финансовый отдел Главка, изымешь ценности ты, а хранить они будут все у себя, пока дело не прояснится. И так, наша покойница не была ограблена. Из дома ее ничего не пропало. Вся обстановка тут свидетельствует о том, что...

– Что она находилась на момент смерти одна, и все было как обычно, никакого насилия со стороны, – заметил эксперт. – Я вам уже сто раз говорил.

– Еще глянем на сарай в саду. – Гектор закрыл сейф, электронный замок звякнул.

Они шли через сад, уже тонувший в закатном солнечном свете – тучи, что так и не пролились дождем, ушли с горизонта, и оранжевое небо над Полосатово расчистилось. В незапертом сарае хранился садовый инвентарь. На полках выстроились пластиковые бутылки и канистры.

– Санитайзеры, дезинфекторы, бытовая химия. – Эксперт все осмотрел. – Она в доме подобное не хранила.

– И это еще. – Гектор нагнулся и снял с нижней полки пластиковую упаковку с брикетами. – Сельскохозяйственный яд бродифакум. Продается в брикетах. Он у нее в доме.

– Выходит, все-таки она сама отравилась? – спросил капитан Блистанов. – Самоубийство?

– Похоже, что так. – Гектор разглядывал упаковку. – Вскрытый брикет.

– Прямо гора с плеч. – Капитан Блистанов просиял. – Сочиню отказной – и в архив.

– Сначала надо установить наличие бродифакума в ее останках и на изъятой посуде.

– Сделаем, сделаем. – Эксперт тоже засуетился. – Печально, конечно, что суицид. Но для нас работы меньше.

– Мне для отказного надо проверить еще ее дом в Москве на Арбате, я сейчас туда и рвану, чтобы уж все сразу, и потом домой спать! – Блистанов уже открыто ликовал. – Вы тут заканчивайте осмотр, дом закрывайте, печатывайте и потом все результаты доследственной проверки мне.

– Мы с коллегой из пресс-службы тоже хотели бы осмотреть ее второе жилище. – Гектор глянул на Катю. Он был задумчив, смотрел то на брикет бродифакума, то на стол в саду, с которого уже собрали всю посуду, изъяв в качестве вещдоков.

– Да ради бога, вам же все равно в Москву из моего Полосатого возвращаться, – тоном удельного помещика разрешил капитан Блистанов.

Глава 9. Одалиска

Домовладение номер два Регины Гришиной, располагавшееся в тихом тупике рядом с Плотниковым переулком напротив знаменитого некогда фитнес-клуба «Чацкий», снова поразило Катю – одноэтажный старинный особняк из тех, что строили некогда богатые мещане и купцы средней руки. Было странно сознавать, что одинокая немолодая, пусть и обеспеченная женщина – не жена олигарха, не родственница министра или главы корпорации – может позволить себе владеть подобной собственностью в пределах арбатской «Золотой мили».

До Москвы и Арбата они добирались каждый на своей машине, вбив в навигатор адрес. Весь путь Катя видела – Гектор на своем внедорожнике следует за ней. Порой он догонял ее, и они ехали рядом. Еще на старте, изучив маршрут, он попросил Катю свернуть с Садового кольца, не доезжая Смоленской площади, и показал на экране мобильного на карте тупичок у Могильцева переулка.

– Сюда, Катя, припарковаться можно во внутреннем дворе, а то разоримся на одной парковке в центре.

Он подъехал туда вместе с ней, нажал на пульт – ажурная решетка отодвинулась, и они очутились в тесном внутреннем дворике.

– Тайная спецчасть? – поинтересовалась Катя, закрывая свой маленький «Мерседес Смарт».

– Музыкальная школа имени Людвига какого-то там. Моцарта-Баха, короче. – Гектор улыбался. – До нужного адреса прогуляемся пешком.

– Так это у вас называется, читала я в Сети. – Она оглядывала музыкальную школу. – А еще «сводный оркестр музыкантов» – так ЧВК в Сети именуют.

– Я заведовал в сводном оркестре исключительно литаврами.

Капитан Блистанов припарковался на патрульной машине с мигалкой прямо у особняка Гришиной: ему нипочем грабительская парковка – служба-с спишет-с! Он приехал с пакетами из «Макдоналдса», жевал бигмак и хлебосольно начал их тоже угощать, суя гамбургеры и чизбургеры в коробках. Катя отказалась, поблагодарив. Гектор, глянув на нее, тоже – объявив «фруктовый разгрузочный день».

Ключи от дома он еще раньше нашел в ящике комода в гостиной Регины Гришиной и отдал их Блистанову. Тот, зажав промасленные пакеты под мышкой, отпер крепкую дверь, и они вошли в особняк.

Пыль, пыль, пыль... Ремонт, известка, мешки с цементом, банки с краской, стройматериалы – все это покрылось пылью, брошенное здесь не один месяц назад.

Особняк состоял из шести больших комнат с высокими потолками. Две вообще залы просторные – хоть танцы устраивай. Имелась еще ванная комната и что-то типа кладовой-гардеробной. В одной из комнат почти до потолка громоздилась старая мебель, покрытая слоем пыли. В других все указывало на начавшийся там ремонт, который бросили на полдороге.

Они обследовали особняк быстро – посмотреть было, если честно, не на что. В зале в центре стоял старый дубовый стол – прямо под пыльной люстрой с хрустальными гирляндами. Гектор обошел его, созерцая люстру, и направился к мешкам со стройматериалами у стены. Вытащил из-за них картину, которую засунули туда – всю в известке.

Катя увидела, что это снова не живопись, а большой фотопринт на холсте – постер. Фотография изображала обнаженного молодого парня – того самого, что и на портрете в доме в Полосатове. Только снимали его теперь со спины. Он стоял в море по колена, освещенный закатным солнцем. Руки он широко раскинул в стороны, и на них сидели четыре черные птицы – вороны. По две на каждой.

– Фотоколлаж, птицы потом были добавлены. – Гектор положил картину на стол. – И снова сынок нашей Регины запечатлен в чем мать родила. Что бы это значило, интересно?

– Уже без разницы, мало ли как люди прикалывались. – Капитан Блистанов доел последний гамбургер. – Все, дело в шляпе. Отказной! Дом пуст и закрыт давно. В нем не жили. Ну вы же сами мне сказали, что Гришина после смерти сына находилась в депресняке тяжелом.

– Интересно, откуда у нее вообще такой дом на Арбате? – удивилась Катя.

– И это уже не наше дело. Ариведерчи! – Блистанов опять ликовал.

Он попрощался с ними у особняка, плюхнулся за руль патрульной машины и был таков. Катя и Гектор направились к музыкальной школе на парковку.

– Что-то не радует меня, как Сеню-Полосатика, такой молниеносный делу венец, – заметил Гектор.

– Я тоже как-то сбита с толку, – призналась Катя. – Но вы сразу выдвинули версию яда бродифакума, а потом мы его у нее в сарае обнаружили. И она была одна на момент смерти. Решила с горя покончить с собой. Отравилась.

– Одна ли? – Гектор открыл пультом ворота парковки. – Концентрация бродифакума в брикетах против вредителей такова, что Гришиной надо было два-три бrikета раскрошить и съесть с тортом или с пирогом... Это маловероятно. Можно проглотить клочок бумаги, но пачку листов съесть невозможно, понимаете? Однако возможен другой вариант – у нее же было сердце больное, она после инфаркта. Да, она приняла бродифакум сама, сколько смогла проглотить. Организм среагировал в форме приступа, ее сердце не выдержало.

– Может, она на это и рассчитывала – отравиться и умереть.

– Тогда, выходит, она обладала редкими познаниями в фармакологии и ядах, чему я не верю. Есть еще третий вариант.

– Какой?

– Мы что-то упустили в Полосатове. – Гектор открыл свой внедорожник. – Катя, а слабо еще раз прокатиться туда – кое-что проверить? Или вы устали?

– Я не устала. Но там ведь дом закрыли, опечатали. А что вы хотите найти, Гек?

– То, что я, возможно, не нашел сразу. То, что там есть изначально, но мы не увидели. И в дом, уже опечатанный, нам не надо, нам нужен участок, территория. А калитку я вскрою не глядя.

– Кто бы сомневался, – по укоренившейся уже привычке заметила Катя и села в его внедорожник, оставив свой «Смарт» на бесплатной тайной парковке.

И они вихрем помчались назад в Полосатово – благо вечером в субботу не было убийственных километровых пробок.

По пути Катя спросила:

– Как ваш отец, Гек? Как его здоровье?

– Все по-старому. Улучшений не будет никогда.

Катя вспомнила, как они с Вилли Ригелем видели генерал-полковника Борщова в его «поместье» в Серебряном Бору – в инвалидном кресле, когда он не узнал не только их, но и собственного сына.

– Ему операция по удалению катаракты предстоит, – продолжил Гектор. – Он одним глазом видеть перестал, с его больной психикой перспектива ослепнуть крайностями чревата. Я когда уезжал в командировку и потом когда в госпитале лежал сам на операции, как и прежде, его на сиделку оставил и горничную. Две старухи и он, больной безумный старик, – дергался я весь, как они там.

– Я тоже за вашего отца переживала, – призналась Катя. – Но сиделку я помню, она надежная, не страшно на нее оставить больного.

– Она у меня двенадцать лет работает. Старшей медсестрой в госпитале была, выходила меня после того ранения. – Гектор смотрел прямо на Катю, не опускал взор, не отводил глаз. – Я ее потом через несколько лет к отцу переманил сиделкой, заплатил в три раза больше. Она никогда замуж не выходила, самых строгих правил. Меня все воспитывала, когда я домой вдрабадан приезжал. А горничная – ее школьная подруга из Ярославля, она у меня пять лет работает. У нее умер муж, сын – пьяница, она внукам помогает материально. Весь мой дом на них держится – и сиделка с поварихой сватьей бабой Бабарихой накормить его хотят! Жарят, парят и копят! Суровые, деятельные старушки, с ними не забалуешь.

Катя вспомнила аскетичный генеральский дом на огромном, заросшем лесом участке на Третьей линии Серебряного Бора у Бездонного озера. Дом – больничная палата, монашеская келья и спортзал для всех видов единоборств.

Запертую и опечатанную калитку участка Регины Гришиной, к которой они подкатили уже в сгустившихся сумерках, Гектор открыл разогнутой скрепкой, которую достал из кармана пиджака. Вынул из багажника армейский фонарь, и они вошли на участок. Он двинулся сразу вдоль забора, светя на доски, иногда постукивая по ним кулаком. Крепкий забор. Катя следовала за ним по пятам. Она недоумевала – что он хочет здесь найти?

Участок шел под уклон, ведь дом свой Регина Гришина построила на лесном холме. Следуя вдоль забора, они достигли сарая. Ядовитые брикеты забрал оттуда эксперт для биохимической экспертизы.

Но не сарай на этот раз интересовал Гектора. Он повел Катю за сарай, и они сразу почувствовали, как уклон участка стал круче. Дальше шли заросли кустов, не облагороженные замыслом садового дизайнера. Гектор направил на них фонарь. Сломанные ветки, словно через кусты кто-то пробирался. Они двинулись в самую чашу. Гектор шел впереди.

Уклон участка, ветки, сорванная листва и...

Катя в сумерках едва не споткнулась о что-то валявшееся в траве.

У самого забора – легкая металлическая лестница.

– Забор здесь ниже почти на метр из-за холмистого рельефа. – Гектор одной рукой поднял лестницу. – Вот что мы упустили. Катя. Путь.

– Хотите сказать, что кто-то перелез через забор? Но лестница внутри, не снаружи.

Гектор приставил лестницу к забору, поднялся, светя фонарем.

– Что там? – Катю уже мучило любопытство. – Я тоже хочу посмотреть, Гек!

– Тогда поднимайтесь аккуратно, я вас страхую.

Он сунул фонарь за ремень черных брюк, схватился за край забора и подтянулся на руке, освобождая лестницу для Кати. Она начала карабкаться по ней.

– Спокойствие, только спокойствие. – Гектор вскинул свое тело вверх на одной руке, как акробат, – и вот он уже бесстрашно стоит на заборе, выпрямившись во весь свой рост. Он нагнулся и крепко взял Катю за плечи.

– Отпустите лестницу, я вас держу.

– Гек, вы с ума сошли! Мы упадем!

– Кто упадет? Я?

Катя опять глазом не успела моргнуть, он поднял ее легко, сам стоя на заборе, обнимая ее сначала за талию, а затем повернул – и вот он уже держит ее на руках. Катя судорожно вцепилась в него, обняла за шею и...

Он прыгнул вместе с ней с этого чертова забора.

Секунду он держал ее в своих объятиях уже на земле, широко расставив ноги. Фонарь, засунутый за пояс, светил ему прямо в лицо. И Катя видела, как оно изменилось, как потемнели его серые глаза. Она была словно в железном кольце его рук. Их дыхание смешивалось – так близко они были сейчас. Она разомкнула руки, обнимавшие его за шею, а он сразу отпустил ее, поставив на землю.

И погасил фонарь.

Катя слышала, как он выдохнул.

– Для нас с вами нет препятствий. – Его изменчивый голос охрип.

Он снова включил фонарь. Пятно света заскользило по примятой траве. До них тут кто-то уже явно побывал, как и у забора, где валялась лестница. В зарослях орешника, облепивших забор с внешней стороны, был словно проложен туннель.

Они двинулись вперед. Кусты закончились небольшой поляной – дальше подмосковный лес, спускающийся к реке Липке.

На поляне валялся мусор. Они подошли, Гектор осветил фонарем.

Кукла-статуэтка из раскрашенной глины. Маленькая одалиска в шальварах и лифе с голым животом, изогнувшаяся в восточном танце.

Головка статуэтки была оторвана. Ее разбили ударом о ствол сгнившего дерева, валявшегося на поляне.

– Катя, у вас сохранился пакет от груши? – спросил Гектор. – Выверните его наизнанку. Сойдет как упаковка. Нам надо забрать одалиску и то, что от нее осталось.

На участок они не вернулись, добрались только до калитки. Гектор ее снова закрыл, даже ленту желтую полицейскую вернул на место.

– Гек, что все это означает? – По пути в Москву Катя жаждала объяснений. – Регина Гришина на момент смерти находилась в саду с кем-то, да? Такой вывод вы делаете, обнаружив лестницу, заломы веток на кустах, примятую траву и глиняную фигурку?

– Да. – Гектор кивнул. – Я сразу для себя так решил, как только понял, что чашек и блюдец в доме осталось всего пять и ложек десертных тоже пять, а не шесть. Да и бокалов для вина... Перед нами, Катя, инсценировка дилетанта – талантливая, изощренная, весьма продуманная и тщательная на первый взгляд, однако испорченная промахом с лестницей. И одалиской, на которой убийца выместил то ли ненависть свою к покойной, то ли торжество от содеянного. Да, я теперь убежден, что на момент смерти Регина Гришина находилась в саду не одна. И это не самоубийство. Ее намеренно отравили. Причем убийца терпеливо и хладнокровно ждал ее конца, он не сразу покинул сад, перебравшись через забор. Он должен был быть уверен на сто процентов, что Регина Гришина мертва. Это некто из круга ее общения, кто-то ей знакомый, которого она сама пустила к себе на участок. С кем поделила свое последнее чаепитие. Посмотрим, что еще дадут экспертизы, а их теперь предстоит Блистанову и его криминалисту немало. Но уже сейчас я могу сказать – это дело очень, очень непростое. А убийца – человек жестокий, беспощадный, хотя и не профи, а дилетант.

Глава 10. Ночной чат

В Москве на темной, освещенной прожектором парковке у музыкальной школы они расстались. Катя села в свой «Смарт».

– До завтра, – произнес Гектор. Он стоял рядом с ее машиной – без пиджака, в одной рубашке, хотя к вечеру заметно похолодало и на пыльный асфальт капали крупные капли дождя.

В словах его присутствовали одновременно и утверждение и вопрос, словно он все еще не был до конца уверен, что и дальше они будут заниматься расследованием вместе.

– До завтра, Гек, столько всего нам с вами сделать предстоит, столько узнать. – Катя улыбнулась ему, и он, напряженный и сдержанный, сразу просветлел, смягчился.

– Вы отдыхайте, я заеду за вами в десять. К этому времени я уже буду располагать какой-то информацией насчет Регины Гришиной.

– Прямо ночью начнете информацию собирать? – Катя улыбалась ему.

– Два звонка, три мейла. – Он тоже улыбался. – Ну четыре мейла и три звонка. Чего-то да узнаю о ней. Когда доберемся до Полосатова, возможно, что-то прояснится и с судмедэкспертизой. Внушим Блистанову, что дело сложное и придется по нему не отказной сочинять, а вкалывать. Ну это я беру на себя. Принуждение – мать дисциплины.

– Хорошо. – Катя завела машину. – Тогда завтра в десять.

Она вырулила с парковки, Гектор открыл ей кованые ворота пультом. Смотрел на красные габаритные огоньки маленького «Смарта».

Потом сам сел за руль внедорожника и...

Откинувшись на подголовник, закрыл глаза, расстегнул рубашку и сильно сжал грудь слева: сердце билось так, что он боялся, как бы Катя не услышала его бешеный стук.

Перед его глазами возник образ горы Аннапурны – он представлял ее себе в моменты наивысшего волнения, возбуждения, смятения чувств... Аннапурна, какой он увидел ее в первое свое путешествие в Непал, на Гималаи и в Тибет –

белоснежная, сказочная на фоне вечернего неба.

Сейчас на фоне Аннапурны перед ним появился образ Кати – глаза ее, губы, брови темные вразлет, нежность, совершенство, скрытая сила – как ему представлялось в его снах во время их долгой разлуки. Катя была и прежней, и новой, он словно открывал ее для себя заново, восхищаясь каждой отдельной деталью образа. Ее не тронутые загаром руки (Катя была одета в простую белую хлопковую водолазку без рукавов и синие льняные брюки), умопомрачительная (как ему грезилось) линия шеи, подколотые густые волосы, ее пальчики на ногах с крашенными розовым лаком ногтями (на Кате были сандалии), ее плечи, он их касался... округлость груди, которую он даже и не мечтал когда-нибудь увидеть обнаженной и целовать, лаская губами...

Профиль Кати на фоне Аннапурны... Два образа сливались в один, излучая свет, внушая острую сердечную боль, неотделимую от счастья...

Взять себя в руки на этот раз было очень трудно. Он старался изо всех сил. Открыл отсек рядом с сиденьем и достал коробки таблеток, высыпал на ладонь сразу пять штук. При Кате он не хотел пить лекарства. Ему прописали их после операции – противовоспалительные препараты и снижающие риск отторжения тканей, иммунодепрессанты. Он еще не закончил свой лечебный курс. Он разом закинул таблетки в рот и запил водой из армейской фляжки.

Открыл ворота пультом и рванул домой, в Серебряный Бор, где ждали его больной отец, сиделка и горничная. По дороге он звонил по многим номерам и разговаривал по громкой связи. А на долгих светофорах писал и отсылал мейлы.

Катя, добравшись до дома, сразу распахнула в квартире, еще наполненной духотой, все окна и балкон. Дождь слабо капал, высыхая на лету.

Она скинула сандалии, вытащила из волос японскую шпильку и помотала головой, распуская волосы, которые так отросли...

Прошла в спальню, чтобы переодеться, и... опустилась на кровать. Силы покинули ее. Летний вихрь... Да какой там вихрь – торнадо, ураган...

Мысленно она возвращалась к событиям этого долгого августовского дня. Но думала не о Регине Гришиной, ее гибели и ее тайнах, а совсем, совсем о другом.

Наконец призвала на помощь всю свою сдержанность. Все свое женское умение скрывать, лавировать, не показывать вида.

Но в этот раз это было очень трудно.

Тихая радость плескалась волной в ее душе. Да и сама она вся как-то менялась – она чувствовала перемены, правда, они пока шли медленно. Но есть на свете вещи, которые не стоит подгонять, нельзя торопить.

Она была рада, что он жив и здоров. Не погиб. Не ранен. Что он вернулся и... что он пришел к ней.

Впервые в своей жизни она была ужасно рада и тому, что дело, по всей видимости, оказалось и правда сложным и им предстоит долгое запутанное расследование. Но не перспектива узнать правду о том, что случилось и кто же убийца, становилась путеводной звездой, главным движущим стимулом, а совсем, совсем иные мотивы.

Нет... Так сказала Катя самой себе строго.

Да... Так шепнул ей кто-то внутри ее нежно – кто-то новый и незнакомый.

Мраморный бюст античного воина, нареченного Гектором Троянским, преданно взирал на нее с подоконника. Катя поднялась, подошла и осторожно дотронулась до гребня его шлема. Шлемоблещущий... Ее пальцы скользнули по мраморной щеке, коснулись ключицы...

Она вспомнила, как он стоял на заборе, держа ее на руках на такой высоте.

Странно, но ее в тот миг посетило чувство, что они не свергаются вниз, а взлетают, обнявшись.

Нет... Еще строже заявила Катя самой себе.

Ты отлично знаешь, что все очень сложно. И в первую очередь надо думать о нем, а не о себе. Потому что он влюблен в тебя. Ты это знала и раньше. Но он не

такой, как другие. Он особенный.

А ты не готова.

Он не может быть игрушкой твоего женского тщеславия, твоего неумного кокетства. Он не может быть просто очередным трофеем. Это бесчеловечно по отношению к нему.

А кем тогда он должен стать для тебя? – спросил некто новый и неизвестный в душе.

Катя чисто по-женски уклонилась от прямого ответа. Возможно, потому, что она пока и сама не знала ничего.

Радость как-то угасла...

Поздно ночью, когда она уже засыпала, мобильный прозвенел – пришло сообщение в WhatsApp. Она колебалась – надо ли вот сейчас читать его... может, лучше отложить до утра? И он тоже успокоится, но...

Кто бы отложил чтение мейла в такой ситуации?

Прекрасная дочь Этиона...

Добрая!

Писал он ей в ночи. Это была фраза из «Илиады».

Слово намерен вещать шлемоблещущий Гектор великий?[4 - Здесь и далее: Гомер «Илиада». Пер. Н. Гнедича.] Она ответила ему тоже цитатой. «Илиаду» он знает наизусть. Да и она за время их разлуки часто обращалась к поэме, что так много значила для нее в детстве.

Истинно вечным богиням она красотой подобна...

Катя прочла его ответ, приподнявшись на локте на подушке. Гектор печатал дальше – она видела значок – он пишет еще ей.

Пламя такое в груди у меня никогда не горело...

Она прочла. И написала в ответ:

В груди у тебя непреклонен дух твой высокий.

Отослала и сразу испугалась, что он позвонит ей. А этого не нужно сейчас, нет, нет...

Но он понял. Он умный и благородный.

Ночного звонка не последовало.

А наутро, когда они встретились вновь, никто из них не упомянул о той ночной переписке. Их полуночное, сокровенное осталось скрытым. Они хранили свою переписку, как тайну, как общую драгоценность.

Глава 11. Шакалы, фотограф и та, кто ловит пули

– Регина Гришина была старшим партнером в компании «Евро-Азия». Это одна из ведущих фирм в сфере международных перевозок и логистики, существует на рынке в виде агентства при департаменте РЖД, – объявил Гектор Кате, поздоровавшись, когда утром она села в его «Гелендваген».

Катя замечательно выпалась. Не желая опаздывать, она металась по дому, собиралась словно в большой поход. Глядя в окно на хмурое небо, вытащила из гардероба синюю льняную куртку в тон брюкам и стильную ветровку-дождевик. Сандалии поменяла на пантолеты из мягчайшей кожи на толстой подошве – много ходить предстоит сегодня в разные места. Стиль должен быть и деловой, и комфортный одновременно. Глядя на себя в зеркало, подкрашивая матовым блеском губы, закалывая высоко волосы, она спрашивала – для кого наряжаешься, а? А?? И отвечала – для себя! А кто мне запретит? И добавила

капельку горьких духов Grown Alchemist – самых редких из своей коллекции. Чего стоит один снобистский флакон в виде аптечной бутылки с этикеткой, где название написано от руки, как в рецепте.

Сунула телефон в сумочку для мобильного и надела через плечо, чтобы был всегда под рукой. Ухватила большой синий шопер, где помимо всякого-разного-необходимого лежали еще с вечера приготовленные бутылка с санитайзером, упаковка антибактериальных салфеток и две большие груши и два зеленых яблока в пакете. Пластиковый ножик с зазубринами тоже не забыла. В трех отдельных упаковочных пакетах покоились останки глиняной одалиски, которую они забрали с поляны в лесу. Их Катя собиралась отдать эксперту.

Однако сразу в Полосатово они не поехали.

– Компания Гришиной лидирует в списке агентств, которые бизнес нанимает за очень большие деньги, когда надо рассчитать маршрут и всю логистику. Ну, например, когда контейнеры по железной дороге идут сразу в несколько пунктов в России, в Азии и направляются в Европу. – Гектор повествовал все это чрезвычайно по-деловому, но смотрел на сидевшую рядом на пассажирском сиденье Катю так, что ей сразу вспомнились его цитаты из «Илиады». – Компания одновременно выполняет функции международного экспедитора и таможенного представителя. В наше время считай что Клондайк. А покойница в роли старшего партнера всем этим железнодорожным Клондайком заправляла.

– Быстро вы справки навели. – Катя улыбнулась. – Всю ночь не спали, наверное.

– Глаз не сомкнул. – Он глянул на Катю и тронул машину с места. – Рано утром я связался с компаньоном Гришиной, но он в отпуске, в Черногории на своей вилле загорает, он запричитал и перенаправил меня к помощнице Гришиной Лейле Гасановой. Я снова сыграл роль горевестника, сообщив ей о смерти ее патронессы, – они ничего в компании не знали. Гасанова нас ждет без четверти одиннадцать на стоянке у высотки на Красных Воротах. Она в департамент РЖД по делам едет, несмотря на воскресенье, у них на дистанте график скользящий. Расспросим ее – она подтвердила, что приезжала к Гришиной в среду с финансовыми документами на подпись. Так что сведения домработницы в этой части оказались верны.

– Соседка по даче упоминала, что Гришина раньше работала в Торгово-промышленной палате, – вспомнила Катя. – А я, когда на фотографии в доме смотрела, решила, что она каким-то образом к цирку имеет отношение – к шоу, к представлениям. А у нас логистическая фирма – международный экспедитор, надо же...

– Насчет цирка в ее жизни пока сведений нет. – Гектор искал по навигатору маршрут объезда пробки на Садовом кольце в сторону трех вокзалов. – А на половине фотографий из ее вернисажа изображена Аделаида Херманн, одна из самых известных женщин-факиров. И великий непревзойденный Bullet Catcher.

– Ловец пуль? – Катя заинтересовалась. – Я только по голливудским фильмам о них смутно знаю. Они существовали в реальности?

– Аделаида Херманн считалась уникальным Ловцом. Я когда в доме на фото надпись прочел с ее именем, сразу вспомнил, вечером дополнительно справки навел. Ну люди с такими талантами всегда в сфере интересов мировых спецслужб, на них досье собирают. Однако в большей степени все подобные факиры либо очковтиратели, либо ловкие трюкачи. Использовали специальные самострелы для этого циркового номера, магниты, разные приспособления. На «Ютьюбе» сейчас ролики можно найти – якобы пытаются и нынешние фокусники что-то поймать и заснять. Но используется внаглую компьютерная графика. Короче, дурят народ. Однако с Аделаидой Херманн все совсем не так. Известен документально зафиксированный и подтвержденный факт, как она в Чикаго в начале прошлого века при большом стечении публики на улице поймала шесть пуль в специальный стальной контейнер-стакан. А стрелял в нее местный снайпер, причем там было несколько стрелков из бандитов и даже сам шериф, и они тянули жребий. Так что никакой подставы не было. Аделаида поймала пули. Скептики подозревали магнит в стакане. Однако ничего не обнаружилось. И еще – сам стрелок клялся, что он не целил намеренно в стакан – она в трех случаях держала его ртом, а в трех других в вытянутой руке. Это очень опасный номер, понимаете, Катя.

– Нет, совсем не понимаю – как вообще можно поймать пулю на лету?

– Феномен Аделаиды Херманн. Она унесла этот секрет с собой в могилу. Его никто пока не разгадал. Позже один тип, факир-китаец, пытался повторить ее номер во всех деталях. И был убит выстрелом в голову. Аттракцион ловцов пуль сразу во всех цирках с тех пор запретили как смертельно опасный.

– А как можно объяснить это? Как вы себе объясняете, Гек? Вы такой профи в оружии и стрельбе.

– Никак не объясняю. Феномен Аделаиды Херманн. Некоторые полагали, что она каким-то образом могла влиять на траекторию пули. Какой-то силой, своей энергией. Отклонять ее, направлять и даже смягчать силу удара. При попадании пули в бронезилет – я сам на себе испытывал – сила удара – мама, не горюй. А она ловила пули в стакан, который держала во рту.

– Как экстрасенсы, которые силой мысли вилку сгибают? – хмыкнула Катя насмешливо.

– В Сети на английском есть исследование и кой-какие сплетни – мемуары про факиршу. Она умерла, точнее, странным образом погибла при пожаре в своем особняке на Манхэттене, причем тогда сгорели и все ее дрессированные животные – ученые вороны и даже варан. – Гектор зарулил на стоянку позади высотного здания на Красных Воротах. – Вы их мне сами переведете, Катя, договорились? Чего они там про нее врут.

Катя закивала – да, да! Она была снова заинтригована – что связывало логистического топ-менеджера Гришину и знаменитую фокусницу, ловца пуль? А связь имелась, судя по обилию снимков, которые Гришина у себя хранила. Все фото прижизненные, старые, и каким-то образом Гришина их заполучила. Возможно, она была коллекционером, однако...

– А кто вторая женщина на других поздних фото? – спросила она с любопытством.

– Не узнал пока. А у Аделаиды Херманн имелся хитовый цирковой номер – мы с вами афишу его на фотографии видели. Назывался он «Призрак невесты». Она заставляла свою помощницу в костюме невесты с ангельской трубой подниматься над ареной и парить в воздухе в горизонтальном положении. Причем сама она всегда была одета одалиской. Но мы с вами, Катя, на месте. А вон и Гасанова на своем белом «мерсе».

Катя подумала – все же какова разница между женской и мужской натурой! Вот он за вечер и ночь, кроме того, что послал ей пылкие строки «Илиады» в чате,

сколько всего сумел сделать, узнать, прочесть. А что сделала она? Кстати, имя женщины-факира она ведь тоже прочла на снимке. Но даже не удосужилась справиться хотя бы в интернете о ней! Растекалась мыслями по дереву и воображала о себе. А мужской ум устроен иначе – он всегда деятелен, прагматичен, нацелен на результат, даже в самые романтические минуты жизни. Урок на будущее!

В белом «Мерседесе», к которому они подъехали, сидела полная брюнетка лет сорока пяти, закутанная в черное льняное пончо поверх платья. Она вышла из машины, они поздоровались.

– Я сразу записалась на завтра на прием к начальнику департамента, как только вы сказали мне о смерти Регины Федоровны, не только наша компания, но и министерство примет участие в организации ее похорон, – сообщила она скорбно. – До сих пор не могу в себя прийти. Я надела по дорогой Регине Федоровне траур. Что стало причиной ее смерти? Сердце, инфаркт?

– Пока непонятно. Не исключаем, что это самоубийство, отравление, – объявил Гектор.

– Ох, да что вы! – Лейла Гасанова всплеснула руками. – Как можно? Чтобы Регина Федоровна с собой покончила?! И она тоже?!

– Но она же, как нам сообщили другие свидетели, находилась после смерти сына в депрессии, – подхватила нить допроса Катя, заключительный вопрос Гасановой ее насторожил. – А как звали ее сына?

– Даниил. – Лейла Гасанова глянула на Катю и тут же отвела глаза. – Он был всем для нее. Светом ее очей. Она его безумно любила.

– Что с ним случилось? От чего он умер?

Лейла Гасанова молчала. Затем как бы нехотя промолвила:

– Он покончил с собой.

– Покончил с собой? – Катя ощутила вновь ту самую неясную острую тревогу, что терзала ее в доме в Полосатово. – Почему?

– Причины я не знаю. Он вскрыл себе вены на руках. Но... ему этого показалось мало. С порезанными венами он повесился на люстре в гостиной в их доме на Арбате. Придвинул стол и взобрался. Регина обнаружила его висящим в петле. Она поехала к нему с дачи рано утром... и нашла мертвым. Там все было в крови, как она мне сказала. Весь их новый ремонт.

Они молчали. Катя слегка растерялась – вот так начался допрос свидетеля. Как обухом по голове.

– Материнское сердце не выдержало, – продолжала Лейла Гасанова загробным тоном. – Регина Федоровна упала прямо там, в доме. Ее нашли пришедшие рабочие, вызвали «Скорую». Обширный инфаркт. Однако насчет ее самоубийства... во-первых, прошло уже полтора года. Она оправилась от потери, взяла себя в руки. Она приняла неизбежное.

– Но мы слышали от свидетелей, что она затворилась от мира, отошла от дел, жила очень уединенно в своем доме за городом.

– Да, все так. Но компанию она не бросала, продолжала успешно трудиться, хотя и передала полномочия старшего партнера партнерам. Однако, заметьте, даже «затворившись от мира», как вы выразились, она по контрактам продолжала успешно зарабатывать деньги для компании. Только ее вознаграждение за этот год составило сто тысяч евро плюс бонусы. Разве люди кончают с собой, зарабатывая столько? В среду я была у нее дома по делам компании – приехала с детьми. Она поила нас чаем в саду, шутила с моими сорванцами, улыбалась, радовалась солнцу и тому, что жара наконец уступила место нормальной погоде. Ничто не предвещало, понимаете? Нет, это не может быть самоубийством. Это повторный инфаркт.

– Или убийство, – произнес Гектор.

Лейла Гасанова резко повернулась к нему.

– Что вы хотите этим сказать?

– То, что сказал, – есть факты, указывающие на то, что вашего шефа Гришину убили. Сколько вы с ней проработали вместе?

– Тринадцать лет, с того момента, как она только появилась у нас. Регина Федоровна по образованию финансист. И она первую половину своей жизни работала в сфере финансов в разных корпорациях. Когда пришла в наше министерство, сначала занималась биржевыми фондами. Однако затем мы стали свидетелями развития ее удивительного дара в области логистики и менеджмента. У нас целый отдел занимался этим, семь сотрудников. Она однажды сама для собственного удовольствия разработала очень сложную логистическую схему, и оказалось, что результат блестящий. Партнеры предложили ей попробовать себя еще и в этой сфере. И через полгода сотрудников-логистов уволили, оптимизировали. Осталась Регина Федоровна и я в качестве ее менеджера. С тех пор ее выдающийся профессиональный талант – иначе и не скажешь – принес нашей компании крупные дивиденды. Ее смерть – невосполнимая потеря.

– Особняк на Старом Арбате она заработала на контрактах по логистике и таможенном представительстве? – спросил Гектор. Он не иронизировал – Лейла Гасанова едва сдерживала слезы. Какой уж тут сарказм.

– Она говорила мне, что получила дом в наследство. Давно. Подробности я не знаю. Слышала от нее лишь то, что она в молодости получила в наследство сначала большую квартиру в этом особняке, считавшуюся кооперативной – еще в советские времена. А потом спустя много лет купила соседнее помещение, оформила на себя – ей его продала какая-то фирма или организация. Она особо не распространялась. Дачу в Полосатове она приобрела вместе с участком десять лет назад, сломала старый дом и построила коттедж.

– Мы сначала подумали, что Гришина имела какое-то отношение к цирку, – заметила Катя.

– К цирку? Как понимать ваши слова?

– В прямом смысле. У нее дома очень много старых цирковых фотографий.

– А, это, – Гасанова смягчила вспыхнувшее раздражение. – Я тоже видела их. Я у нее дома была нечасто за все годы. Фотографии, по ее словам, тоже достались

ей по наследству.

- А на портрете с вороном изображен ее сын Даниил? - уточнила Катя. - Ну вы же наверняка и портрет видели, он такой заметный.

- Портрет сына - единственная вещь, которую она забрала из дома на Арбате после его самоубийства, - ответила Гасанова. - На меня он произвел шокирующее впечатление. Абсолютно голый... Артобъект создала его невеста.

- Невеста?

- Ира Лифарь, у нее собственный фотосалон. Насколько мне известно, парень познакомился с ней - она его старше почти на десять лет - через Регину Федоровну. Та захотела сделать костюмные фотографии, искала салон и наткнулась в «Инстаграме» на рекламу фирмы. Лифарь сделала ей дорогую фотосессию.

- В костюме одалиски? - быстро спросила Катя.

- Я видела фото у нее дома. Станный выбор одежды. Но она - мой босс, я же не могла осуждать... Хотя в ее возрасте - Регине Федоровне уже шестьдесят три - так некрасиво смотрится... Я сочла все причудой, ее экстравагантностью. Но результатом фотосессии стало то, что ее обожаемый сын Даниил познакомился с Ириной Лифарь, и они почти сразу сошлись. Даже назначили день свадьбы. Они жили в особняке, выбросили оттуда почти все вещи Регины Федоровны, винтажные вещи - вы представляете? Затеяли большой ремонт. А потом парень повесился со вскрытыми венами на руках.

- Вы сказали, его мать обнаружила, а что же невеста, где она была в тот момент?

- Не знаю я ничего. Потом уже краем уха слышала сплетню в компании, что, мол, и с невестой тоже что-то стряслось. Она ведь даже не присутствовала на похоронах. Регина Федоровна, кстати, тоже - ее только из реанимации перевели в палату, конечно, врачи ее не отпустили.

- Кто же хоронил парня? - спросил Гектор. - Родня помогла?

– У Регины Федоровны из близкой родни никого, только две двоюродных сестры. Похоронами занималась наша компания на ее личные средства, я сама хлопотала, ездила. И еще некто Четвергов – знакомый Регины Федоровны. Он помогал во всем. Представился мне как Стас, я поняла, что он давно знает Регину, с юности. А потом я о нем слышала сплетню – он муж Ксении Коробаевой, точнее, сейчас уже вдовец, потому что та умерла несколько лет назад.

Кате фамилии и имена ничего не сказали, она посмотрела на Гектора – по его реакции тоже не поймешь, лицо бесстрастное. Однако...

– Я из мусульманской семьи, – продолжала Гасанова. – Надо было как-то решать вопрос с церковными делами при погребении. Отпевание, весь обряд христианский. С Региной Федоровной, когда та находилась в реанимации, я, естественно, не могла обсудить такие вещи. И потом, ее сын самоубийца, сами понимаете. Со всеми церковными делами взялась помочь мне одна из двоюродных сестер Регины Федоровны, Алла. Потом я уж пожалела, потому что она прицепилась к Регине Федоровне, как репей, такая назойливая, сразу начала выяснять вопросы о наследстве, о завещании. Совести и стыда у людей нет никакого!

– А кто еще присутствовал на похоронах ее сына, кроме Четвергова и кузины Аллы? – спросил Гектор. – Раз и мать, и невеста не явились.

– Я, наш водитель от компании – он микроавтобус пригнал. Потом другая ее двоюродная сестра с мужем, я не знаю их фамилии.

– А друзья сына? Его товарищи?

– Я так поняла, что у него не было друзей. – Лейла Гасанова глянула на них. – Регина Федоровна держала Даниила всю жизнь возле себя. Когда начала у нас работать в компании и приобрела капитал, то вообще его забрала из школы на домашнее обучение, причем придирчиво репетиторов выбирала. Высшее образование он так и не получил. Я удивлялась, спрашивала – как же так, почему вы его ограничиваете в таком важном деле? А она мне – нет нужды, он займется в жизни иными вещами. Он хорошо начитан, репетиторы с ним занимались. А денег я ему оставляю столько, что ему хватит. Когда он познакомился со своей будущей невестой и фактически бросил Регину

Федоровну, это был сильнейший удар для нее.

– Похоронив сына и будучи сердечницей, она как-то устроила свои дела с имуществом, с недвижимостью? Определилась? – спросила Катя. – Вам что-нибудь известно об этом?

– Она поручила мне сразу по выходе из больницы найти хорошего нотариуса. В течение всего года она занималась тем, что писала новые и новые завещания, постоянно меняя свою волю. Она при мне говорила – надо бросить шакалам кость.

– Шакалам кость?

– Метафора. Она манипулировала родней. Видя, как они алчно вьются вокруг нее, она натравливала их друг на друга, сообщая каждой сестре, что составила завещание на все имущество в ее пользу. Однако она лукавила, нотариус – моя подруга – звонила мне, жаловалась, что Регина не дает ей возможности все оформить по закону – приезжает, пишет завещание и просит – мне надо подумать, пусть бумага у вас полежит, я приду в следующий раз. А в следующий раз новое завещание – уже на двух сестер, затем на одну. Было даже завещание на ее подругу.

– Подругу? – Катя снова насторожилась.

– Забыла вам сказать – какая-то неадекватная заявила на похороны. А до этого при прощании вообще скандал случился – на гражданскую панихиду, с отпеванием в церкви так ведь и не вышло ничего, пришла знакомая Лифарь, то ли ее компаньонка, то ли подруга... И стала орать, что Регина Федоровна «погубила Иру, изуродовала ее». Мы ничего не поняли из ее воплей, я велела шоферу, чтобы он ее выдворил из зала прощания. Так она чуть ли не в драку! И в тот момент появилась подруга Регины Федоровны. И тоже стала нести какой-то вздор. Но ее быстро успокоил Четвергов. Они знакомы. Он ее увел. Объяснил мне потом, что женщина имеет проблемы с психикой после какой-то давней травмы. Да, у нее лицо безобразное... Видимо, делала себе пластику неудачную... Страшно смотреть.

– А кому же все-таки достанется имущество? – уточнил Гектор.

– Я так понимаю, что все взаимоисключающие завещания лежат в виде документа о волеизъявлении в сейфе нотариуса. И ни один не оформлен до сих пор надлежащим образом и не зарегистрирован в нотариате. Тогда будут делить по закону в долях. Но это уже через суд, они же не прямые наследники.

– Родне это известно, как по-вашему?

– Я не знаю.

– Порой такие вещи чреватые неприятностями, – заметил Гектор. – Кроме жажды манипулирования, что Регина Гришина выигрывала в такой ситуации с родней?

– Подобострастие. Знаете... я не могу и не желаю говорить о Регине Федоровне плохо, и то, что скажу, – это не упрек ей. Это констатация факта. В ней самой присутствовала некая маниакальность.

– Поясните, пожалуйста, – попросила Катя.

– Она всегда считала себя выше других. Считала себя персоной... ну, скажем так, особенной. Может, потому, что обладала многими талантами. Например, ее аналитический ум, ее бизнес-хватка. Ее феноменальное чутье. Потом, она ведь могла некоторые поразительные вещи делать.

– Какие, например? – спросил Гектор.

– Она легко умножала и делила в уме четырехзначные цифры. В интернете решала ради удовольствия трудные задачи по алгебре. Но она же не математик, она финансист. После самоубийства сына ее маниакальность насчет собственной исключительности только усилилась и начала принимать некие странные, болезненные формы. Она даже мне сказала – никому не посоветую теперь со мной связываться.

– Нельзя это так понимать, что ей кто-то угрожал?

– Я восприняла все в тот момент как маниакальное хвастовство. Похвальбу.

– И последний вопрос, насчет ее домашних питомцев. Они часто погибали у нее по какой-то причине, как мы узнали. Она вам ничего об этом не говорила? – спросила Катя.

– Домашние питомцы? Что вы имеете в виду?

– Зверюшки ее – попугайчики, ящерка, – пояснил Гектор.

– Ящерка? – Гасанова выглядела крайне озадаченной. – Никогда не слышала от нее о домашних животных. Да она и не такой человек, чтобы их заводить. Она была абсолютно самодостаточна. И уж простите – ее единственным домашним питомцем долгое время был ее сын Даниил.

Глава 12. Ностальгирующие

Помощница Регины Гришиной, пролистав мобильный, продиктовала Кате и Гектору номер Четвергова и с трудом, однако нашла в записной книжке телефон двоюродной сестры Гришиной – Аллы, которая так и не смогла помочь с панихидой по самоубийце. Гектор в ответ снабдил ее координатами капитана Блистанова – справиться насчет организации похорон после судмедэкспертизы.

Они распрощались, и прямо со стоянки Гектор позвонил Четвергову, включив для Кати громкую связь.

– Я разговариваю со Станиславом Четверговым? – спросил он небрежным тоном с нотками превосходства в своем столь изменчивом голосе лицедея. – Полковник Гектор Борщов, спецпредставитель и консультант Совбеза. Я по поводу смерти вашей приятельницы Регины Гришиной.

– Регина скончалась?! – отозвался на том конце мужской голос. – Когда? Что случилось? И при чем здесь Совбез??

– А вы догадайтесь при чем, – совсем нагло парировал Гектор.

Катя отметила, что он просто «плющит» – иначе и не скажешь – свидетеля. Отчего столь агрессивная реакция у Гектора Троянского?

– У меня к вам вопросы возникли в связи с ее гибелью, – продолжал Гектор. – Хочу задать их вам безотлагательно. Вы где сейчас находитесь? В России или за границей?

– Я дома, то есть в России... но я сейчас никак не могу. У нас симпозиум палеоботаников и китайская делегация, я одновременно веду все как модератор и перевожу. Мы так долго ждали ослабления противоэпидемиологических ограничений, чтобы провести наш симпозиум. Я безотлучно при китайцах. Но скажите мне, как... как Регина умерла?! От чего?

– Мы подозреваем суицид.

– Но это невозможно! – запротестовал на том конце Четвергов. – Нет, Регина не могла так поступить.

– Или убийство.

Пауза.

– Еще хлеще. – Четвергов на том конце подал голос. – А где именно она умерла, на даче или в доме на Арбате?

– Это имеет какое-то значение для вас? – жестко спросил Гектор.

– Нет... просто я подумал, что ее дом на Арбате... Нет, конечно же, нет. – Четвергов запутался в словах и внезапно произнес какую-то фразу на певучем птичьем языке. – Это я китайскому коллеге, у нас начинается семинар. Простите, я никак не могу сейчас разговаривать. У нас официальное мероприятие от Академии наук.

– Когда освободитесь?

– Семинар продлится еще два дня. Мы здесь в отеле на Пахре с утра до вечера.

- Палеоботаники? - хмыкнул Гектор. - И вы тоже палеоботаник? Еще один вопрос, и бегите модерируйте - мне нужны координаты подруги Регины Гришиной, той, что приходила на похороны ее сына Даниила.

- Сони? Вы и ее собираетесь допрашивать? Она больной человек. Инвалид.

- Мы сами разберемся. Ее телефон, фамилия, адрес. Полные координаты.

- Предупреждаю, она психически нездорова. Будьте к ней милосердны.

- Ее фамилия и адрес.

- Мармеладова.

- Вы издеваетесь? - ледяным тоном осведомился Гектор.

- Нет, упаси меня боже издеваться над полковником Гектором Борщовым, - усмехнулся Четвергов (Катя поняла, что и тот слышал про Гектора Троянского). - Это ее настоящая фамилия. София Мармеладова. Источник насмешек в нашем общем детстве. Она обитает на улице Дмитрия Донского, хрущевка напротив продуктового магазина, я не помню номер дома. Там один подъезд и квартира налево от лестницы на третьем этаже - шестой номер. А телефоны ее сейчас найду в контактах. - Он продиктовал после заминки с поиском. - Пожалуйста, поаккуратней с ней. Она давно уже больна.

- Палеоботаник. Китаевед хренов. - Гектор втянул воздух сквозь зубы, сбрасывая звонок. - Отшил меня не глядя.

Катя решила пока вопросов насчет Четвергова ему не задавать. Потом.

- Сейчас по мобильному номеру пробью паспортные данные и адрес кухни Аллы. - Гектор набрал текст, отослал, затем сделал звонок, объявив таинственному респонденту даже без «здрате - до свидания». - В момент чтоб было, позарез, горю! Пока там репу чешут с пробивкой, давайте, Катя, махнем на улицу Дмитрия Донского - глянем на Соню Мармеладову от Достоевского? Она и в романе-то с приветом была, нет?

Катя лишь покачала головой. Она видела – Четвергов, уклонившись от встречи, Гектора взвинтил и раздосадовал. Разозлил! И сейчас Гектор Троянский старается перед ней всю. Напор и натиск! Но ее и это радовало. Потому что Гектор сейчас прежний – такой, каким они с Вилли Ригелем впервые узнали его в Староказарменске. Он тогда тоже был подобен вулкану.

Ну а потом Везувий взорвался. И разрушился...

Она не хотела повторения подобного. Так пусть сейчас Троя рулит, как считает нужным.

Однако и на улице Дмитрия Донского, до которой они добрались по пробкам, их ждал горький сюрприз. Гектор моментально отыскал ту самую хрущевку напротив продуктового магазина. И сразу позвонил на мобильный Мармеладовой. Но ему никто не ответил. Тогда он попросил у Кати ее мобильный и сделал новый звонок с другого номера на домашний, и... вызов моментально сбросили. Гектор кивнул Кате и направился к подъезду, код открыл при помощи...

– Ключ-ю-ючь! – прошипела за его спиной Катя, не удержавшись. Долг платежом красен, а то!

Он обернулся – несравненная ухмылка, в серых глазах чертики. Он приложил нечто к панели домофона, и дверь открылась, как Сезам.

– Спецоткрывалка для аварийных служб, – объяснил он. – Домофон и замок стандартный, которыми муниципальное жилье снабжают.

Они взлетели на третий этаж. Гектор позвонил в дверь квартиры. Глухо.

– Гражданка Мармеладова, вы дома, мне это известно. Мы из полиции по поводу вашей подруги Регины Гришиной. Откройте!

Они ждали. Тишина.

– Если инфекции страшитесь, мы привитые. – Гектор был близок к капитуляции. – Нам необходимо срочно с вами побеседовать. Ваша подруга

мертва.

- Гек, не пугайте ее, если она и правда не в себе и прячется в квартире, - попросила Катя.

Он повернулся и быстро начал спускаться по ступенькам. Когда они вышли, он намеренно очень громко хлопнул железной дверью подъезда и сразу отошел от него к углу дома. Смотрел на окна фасада и страшные застекленные балконы, почерневшие от дождей.

- Вон тот балкон, - кивком указал Кате. - Она в квартире, но нам не открывает. А на балкон выползла на нас поглазеть.

Он помахал балкону рукой. Подождал. Затем они сели во внедорожник. Катя оглянулась на хрущевку.

С балкона сквозь грязное пыльное стекло за ними настороженно и пристально следили - так ей померещилось в тот миг.

В машине Гектор снова втянул воздух сквозь зубы - облом за обломом. И в этот момент позвонил респондент: подоспела подмога с пробивкой номера двоюродной сестры Гришиной.

- Где-где она живет? - переспросил Гектор громко. - В Рузе? Очумела, что ли, баба там жить... Какой домашний адрес, скинь мне в чат. А это еще что? Место работы? Усадьба кого? Долгоногого-Крымского?

На том конце терпеливо поправили:

- Долгорукова! Бывшая база Федерации тяжелой атлетики.

- Кузина Алла штангу выжимает? - Гектор сбросил звонок, поблагодарив доброхота. - Катя, я, конечно, очень извиняюсь, но здесь нам не рады, как видите. Может, удача в Рузе улыбнется? Сгоняем?

- Я думала, мы сейчас поедem в Полосатово к Блистанову, - ответила Катя.

– Мы из Рузы в Полосатово рванем, нам по пути. К вечеру авось еще больше новостей прибавится. И у нас кое-что будет в активе. А то нас прям сейчас все в шею метлой. – Он обидчиво надулся. – Зверствуют, отшивают по-черному.

– Хорошо, Гек, поехали в Рузу. Только вы сначала кузине Гришиной позвоните – мало ли... Сейчас в пандемию не стоит сваливаться людям как снег на голову.

– Да, логично, она и в больнице может лежать. – Он набрал номер. – Я говорю с Аллой Алексеевной Тюльпановой? Полковник Борщов, правоохранительные органы. По поводу вашей родственницы Регины Гришиной – она умерла.

– Пресвятые угодники! – прошелестел на том конце по громкой связи дребезжащий женский шепоток. – Когда?

– Несколько дней назад. Вы сами где сейчас? Дома или на работе в усадьбе?

– Работаю, работаю я. В офисе.

– Чтобы никуда не смели отлучаться, вам ясно? Полиция уже на пути к вам. Покинете локацию – пеняйте на себя.

– Да я ничего... А Регина-то где в морге? А дом? А что с домом ее? Ведь растащут все! Разворуют!

Гектор приказал:

– Сидите ждите!

И они отправились в далекую Рузу. А на горизонте клубились, как горы, черные грозовые тучи, несущие уже не долгожданный освежающий дождь, а грядущий потоп.

В Рузе Катя бывала прежде – ибо местное управление полиции славилось локальным историческим полицейским музеем. Со временем Руза не менялась – уютный, чистенький сонный подмосковный городок с купеческими кривыми домишками центра, выкрашенными в разные цвета, и отреставрированными церквушками. Они миновали главную улицу – рузский променад – и свернули в

поля, направляясь к местной достопримечательности – усадьбе Волынщина.

Та представляла собой помещичий дом с флигелями, крашенный в желтый цвет. Усадьбу окружала ухоженная территория и клумбы с астрами. В цветочках деловито рылись пестрые куры. На солнышке на ступеньках грелись бродячие кошки. Один из флигелей пустовал – база тяжелой атлетики не подавала признаков жизни. А над крыльцом другого флигеля висели два флага – желто-полосатый имперский и красный с серпом и молотом.

Они припарковались возле флигеля, Гектор открыл источенную жучком деревянную скрипучую дверь. Коридор, залепленный плакатами, агитационными листовками с выборов, и голоса:

– А моржовое-то мясо в гастрономе? Помню, мать купила, нажарила – вонища! Моржатины, а рыбой пахнет! Я в школу бутерброд притащил. Год, наверное, семьдесят девятый на дворе стоял. Развернул на перемене в классе. Учительница мне сначала говорит: «Кукуев, что за гадость ты принес?» Я пояснил, тогда она: «Вот, ребята, это товарищи чукчи с Севера прислали нам в Рузу подарки, мясо моржа к празднику великой нашей Октябрьской революции». У нас потом в классе все сплошь моржатины жрали. Пионеры! Как вспомню – сразу на душе теплее.

– Да, в Советском Союзе никто не голодал. Хоть моржатиной, да накормлен был. И стоило все копейки. Я помню тоже – девчонка молодая иду со смены, в кулинарию забегаю, куплю котлет пяток – восемь копеек цена за штуку!

– Потому что мяса ни хрена в них не было, один хлеб клейкий. Мать потому моржатины и покупала. А батя по субботам в бане самогонку гнал, за сахаром в Москву ездил на электричке. Как талоны на сахар ввели – на «тройник» перешел сразу, на «Тройной» одеколон. В ванной ежели орет: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!», – значит, «тройника» уже полфлакона зафигачил. И тоже стоил копейки в галантерейном! Во житуха была в Союзе, да, Алла Лексевна? Не то что сейчас!

В комнате в разных концах – два стола и два сейфа. На стене портреты царя-страстотерпца, Ленина, Сталина, Ивана Грозного, Иосифа Кобзона и плакаты: «Великий могучий Советский Союз наше ВСЕ», «Не болтай!» и постер Роскосмоса с ракетой, раскрашенной «под хохлому». На столах по старому компьютеру и

телефону. За одним столом сидел пожилой краснолицый мужик в камуфляже и фуражке «жириновке», сразу видно – бывший вояка, а за другим – седая женщина в темном полинявшем летнем платье, вязаной кофте, в старых босоножках на танкетке и белых носках.

– Алла Алексеевна Тюльпанова? Спасибо, что дождались. Это я вам звонил. – Гектор взял курс к «женскому столу».

– А вы по какому вопросу? – Мужик напустил на себя суровый и важный вид.

– По уголовному. Криминальному. Вы ее муж, родственник? Любовник?

– Да что вы такое говорите! – воскликнула кузина Алла. – Как не стыдно мне, честной женщине, – такие вещи! Кукуев это, из «Союза Нерушимого». Они у нас угол снимают. А наш офис городского отделения «Партии пенсионеров» у штангистов помещение арендует.

– Нерушимым погулять. Не пререкаться. За дверь. Исполня-я-ять! – Гектор повернулся к мужику в камуфляже.

У того, видно, сработал старый армейский рефлекс – начальство приехало. Кто, куда, зачем, чего – не нашего ума дело. И он убрался за дверь.

– Вы на какой должности функционируете в партии местных пенсионеров, Алла Алексеевна? – деловито осведомился Гектор.

Катя, пока решившая не вмешиваться в процесс допроса, разглядывала кузину Гришиной. Итак, подозреваемая... Та, на имя которой было написано, но не оформлено одно из многочисленных завещаний хозяйки домов в Полосатове и на Старом Арбате. Двоюродным сестрам было обеим за шестьдесят. Но если на фотографиях Регина Гришина в своем черном кашемировом пальто выглядела ухоженной и подтянутой столичной рафинированной бизнес-леди, то ее кузина из Рузы смотрелась обычной провинциальной теткой, распространявшей на весь офис амбре едкого пота пополам с приторной туалетной водой.

– На звонки я отвечаю. Сижу, дежурю сегодня. Платят мне посуточно. С партией каши не сварить. Я думаю, мне надо другое место искать.

– Так пересаживайтесь к «Нерушимым» на звонки отвечать. – Гектор кивнул на соседний стол, затем подвинул Кате стул, усадил ее, а сам наклонился над ней, опершись руками о спинку.

– Они женщин не нанимают, у них места все заняты. Жлобье. – Кузина Алла недобро усмехнулась. – Визави мой... видели – алкаш алкашом, а ячейкой здешней командует. И доносы пишет на всех во все инстанции. В офис утром захожу – спиртягой разит, брагой, чесноком – хоть топор вешай. А он мне – молчи, типа, не возникай. Проверенное средство от заразы.

– В Советском Союзе-то лучше не в пример было, да, Алла Алексеевна? А вы сами-то моржовое мясо пробовали?

Кузина Алла глядела на них. И Катя внезапно подумала – она совсем не такая, какой пытается казаться. Она подготовилась к встрече после их звонка. И сейчас играет перед ними некую роль. Понял ли это Гектор?

– Что вам от меня нужно? Что с Региной стряслось? Я места себе после вашего звонка не находила, в тревоге, в неизвестности. – Кузина Гришиной теперь пыталась выглядеть обеспокоенной и расстроенной, но получалось у нее не очень.

– Вроде как покончила с собой ваша двоюродная сестрица.

– Повесилась? – быстро спросила кузина Алла.

– Нет. – Гектор внимательно на нее смотрел. – Вы сами когда с ней последний раз виделись?

– Давно... В начале лета. Она меня к себе сама позвала по делу.

– К себе домой? Насчет завещания своего?

– Какое завещание, что вы? Она жить собиралась долго. С такими-то деньгами... Она мне позвонила, позвала. Вещи кое-какие старые мне хотела отдать. Одежду, обувь. У нее все шкафы бараклом забиты. И вещи хорошие, и шерстяные, и фирменные. Отдала мне. Она добрая была женщина. – Кузина Алла неожиданно

всхлипнула притворно. – Да что ж это такое... руки на себя наложила... Что, не удавилась она, нет? А как же тогда... Как смерть приняла?

– У нее был нелегкий конец. Значит, в начале лета с ней встречались, да? Но вы ведь ей звонили на ее номер – мы ее мобильный проверили.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Prisca – древняя, архаичная (лат.). Loricata – в зоологии обозначает класс рептилий (лат.). Можно перевести с латыни как «древний ящер».

2

История знакомства Кати и Гектора рассказана в романе Т. Степановой «Последняя истина, последняя страсть».

3

Призрак невесты (англ.).

Здесь и далее: Гомер «Илиада». Пер. Н. Гнедича.

Купить: <https://tellnovel.me/tatyana-stepanova/velikaya-illyuziya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)